

ДЖУДИТ
МАКНЮТ

ЧТО Я
БЕЗ ТЕБЯ...

Уэстморленды

Джудит Макнот
Что я без тебя...

«АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Макнот Д.

Что я без тебя... / Д. Макнот — «АСТ», 1994 — (Уэстморленды)

Легкомысленный граф Стивен Уэстморленд и независимая американка Шеридан Бромлей даже и не подозревали о существовании друг друга. Он был удачно помолвлен, она – сопровождала в Англию приятельницу. Но ситуация вышла из-под контроля – приятельница сбежала с возлюбленным, а Стивен, лихо правя коляской, задавил, как выяснилось, ее нелюбимого жениха! Возникает прелестная путаница, ибо Стивен полагает, что невеста погибшего – Шеридан, а рыжеволосая красавица, потерявшая память, не знает, кто она...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Макнот Д., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	51
Глава 14	55
Глава 15	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джудит Макнот Что я без тебя...

Judith McNaught
Until you

© Eagle Syndication, Inc., 1994

© Перевод. Е. С. Шерр, наследники, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Глава 1

Элен Деверне сидела на измятой постели среди атласных подушек, с восхищенной улыбкой глядя на бронзового от загара, мускулистого Стивена Дэвида Эллиота Уэстморленда, графа Лэнгфорда, барона Эллингвуда, пятого виконта Харгроув, виконта Эшбурна, который, работая плечами, натягивал рубашку, всю в оборках, снятую им накануне вечером и брошенную в ногах кровати.

– Ну что, ходим на следующей неделе в театр, как договорились? – спросила она.

Доставая шейный платок, Стивен удивленно посмотрел на нее.

– Разумеется. – Он повернулся к зеркалу над камином и стал ловко укладывать в тончайшие складки нежный белый шелк вокруг шеи. – А почему ты спрашиваешь? – удивился он, глядя на ее отражение в зеркале.

– Потому что на следующей неделе начинается сезон¹ и приезжает Моника Фицуеринг. Мне сообщила об этом наша общая парикмахерша.

– Ну и что? – спросил он, не моргнув глазом.

Элен, вздохнув, повернулась на бок и, облокотившись на подушку, с искренним огорчением проговорила:

– Я слышала, ты наконец решился сделать Монике предложение, которого они с отцом ждут вот уже целых три года.

– Ах, вот оно что! – произнес он небрежно, однако слегка поднятая бровь красноречивее всяких слов говорила о том, что Элен не следовало затрагивать эту тему.

О том же свидетельствовало и выражение его лица, однако Элен подумала, что их многолетняя и такая приятная для обоих связь дает ей право открыто выражать свои чувства.

– Насколько мне известно, ты не раз готов был ублажить предложением руки и сердца не одну жаждущую выйти замуж особу, но я никогда не спрашивала тебя об этом.

Не ответив, Стивен подошел к постели, невольно залюбовавшись Элен. Ну разве можно сердиться на такую прелесть?

Элен и в самом деле была ослепительно хороша, ее длинные золотистые волосы рассыпались по соблазнительной груди и изящной спине. Красота в ней сочеталась с умом, непосредственностью, изысканностью. В общем, о такой любовнице мог мечтать каждый мужчина.

Она была слишком практична, чтобы надеяться на брак с ним, понимая, что это абсолютно нереально для женщины в ее положении, и в то же время слишком независима, чтобы всерьез и надолго связать себя брачными узами, – и то, и другое лишь укрепляло их отношения. Так по крайней мере думал сам Стивен.

– А теперь ты хочешь, чтобы я подтвердил или опроверг слухи о том, что собираюсь жениться на Монике Фицуеринг? – спокойно спросил он.

Элен ответила ему ласковой соблазнительной улыбкой, неизменно вызывавшей в нем желание:

– Да, хочу.

Стивен смерил ее долгим взглядом и наконец произнес:

– Допустим, это правда. Что тогда?

– Тогда, милорд, скажу вам, что вы совершаете большую ошибку. Все, что она может предложить тебе, – это свою красоту, свое происхождение, может подарить тебе наследника. Но у нее нет ни твоей силы воли, ни твоего ума. Возможно, она станет заботиться о тебе, но никогда не поймет. Тебе будет с ней скучно даже в постели, начнутся ссоры, взаимные упреки, обиды.

¹ Имеется в виду определенное время года, когда в городе кипит светская жизнь.

– Спасибо, Элен. Пожалуй, мне здорово повезло, что ты проявляешь такой живой интерес к моей личной жизни и готова поделиться со мной своим опытом.

От его сарказма ее улыбка стала не такой уверенной, но все же не исчезла.

– Вот видишь, – мягко заметила Элен, – я поняла, что ты сердишься на меня, но не придала этому особого значения, а Моника Фицуеринг была бы в шоке от подобного тона.

– Прошу извинить меня, мадам, – с легким поклоном язвительно произнес Стивен, – если мой тон показался вам недостаточно вежливым.

После неудачной попытки схватить Стивена за рукав и усадить на постель рядом с собой Элен отказалась от этой мысли, однако тему разговора не сменила, только просияла улыбкой, стараясь остудить его гнев.

– Невежливый тон? Упаси Боже, Стивен. Напротив. Твой тон обычно прямо пропорционален раздражению. Чем больше раздражение, тем вежливее тон. А уж когда ты доходишь до точки кипения, твоя вежливость и корректность не знают границ. Они вызывают тревогу. Даже страх.

Как бы в подтверждение своих слов Элен поежилась, и Стивен невольно улыбнулся.

– Но я знаю, – сказала она все с той же обворожительной улыбкой, – что делать, когда ты сердишься... – У нее перехватило дыхание, потому что в этот момент большая рука Стивена скользнула под простыню и легонько сжала ее груди.

– Просто хочу согреть тебя, – сказал он, а она обвила его шею руками и крепко прижала к себе.

– И отвлечь от тягостных дум?

– Ну, для этого достаточно подарить тебе красивую шубку.

– Чтобы согреть меня?

– Нет, отвлечь, – сказал он, прильнув к ее губам, и тут они занялись самым приятным делом на свете, которое и греет, и отвлекает.

Было уже почти пять часов утра, когда граф снова оделся.

– Стивен? – сонно шепнула Элен, в то время как он запечатлел на ее челе прощальный поцелуй.

– Да, дорогая?

– Хочу тебе кое в чем признаться.

– Никаких признаний, – заявил Стивен. – Ведь мы договорились с самого начала. Никаких признаний, никаких упреков, никаких обещаний. И нас это вполне устраивало.

Однако сегодня Элен это не устраивало, хотя возразить ей было нечего.

– Признаться, я ужасно ревную к этой Монике Фицуеринг.

Стивен досадливо вздохнул и выпрямился, приготовившись выслушать излияния Элен, разумеется, без особого восторга, о чем свидетельствовали его слегка приподнятые брови.

– Я понимаю, тебе нужен наследник, – начала она, скривив свои полные, чувственные губы в некое подобие улыбки. – Но что тебе стоит выбрать женщину чуть-чуть похуже меня? Чуть-чуть посварливее. И чтобы нос чуть-чуть крючком или маленькие-премаленькие глазки. Вот тогда бы я не возражала.

Стивен усмехнулся, но, решив раз навсегда закрыть этот вопрос, сказал:

– Моника Фицуеринг для тебя неопасна, Элен. Уверен, она знает о наших отношениях и не станет вмешиваться.

– Откуда такая уверенность?

– Она сама мне об этом сказала, – не задумываясь ответил Стивен, но, заметив недоверие на лице Элен, добавил: – Чтобы окончательно развеять твои сомнения и закончить этот малоприятный разговор, могу тебе сообщить, что у меня уже есть достойный наследник. К тому же я в любом случае не намерен связывать себя брачными узами сейчас или когда-либо в будущем ради того лишь, чтобы обзавестись законным наследником.

Удивление на лице Элен сменилось веселым недоумением, когда она, выслушав эту, мягко выражаясь, странную тираду, не удержалась от следующего вопроса:

– Но что еще может заставить жениться такого мужчину, как ты, если не желание обзавестись наследником?

Стивен с презрительным видом пожал плечами и усмехнулся, показывая, что таких причин просто не существует, что все они тривиальны, абсурдны или же высосаны из пальца.

– Ничто не может заставить такого мужчину, как я, вступить в брак, – ответил он с веселой улыбкой, за которой крылось отвращение к браку как к освященному Богом высшему счастью, этой иллюзии, процветавшей даже в том изысканном обществе, где Стивен вращался.

Исполненная любопытства, Элен внимательно и в то же время настороженно смотрела на Стивена, все больше недоумевая.

– Меня всегда удивляло, что ты в свое время не женился на Эмили Лэтроп. Не говоря уже о ее красоте и прекрасной фигуре, она одна из немногих женщин Англии, которая благодаря своему высокому происхождению достойна породниться с семьей Уэстморленд и подарить наследника. Ни для кого не секрет, что ты дрался на дуэли с ее мужем, но не убил его и не женился на ней годом позже, когда старый лорд Лэтроп кикнул и откинул копыта.

Слэнг в ее устах звучал так забавно, что Стивен расхохотался, запрокинув голову. Дуэль для графа была делом обычным.

– Лэтроп, одержимый идеей защитить честь Эмили и положить конец распускаемым о ней слухам, решил вызвать на дуэль одного из ее предполагаемых любовников, которых хватило бы на целый легион. До сих пор никак не пойму, почему выбор пал именно на меня.

– Трудно сказать, но уверена, что это возраст сыграл с ним такую злую шутку.

– Что ты имеешь в виду? – не без любопытства спросил Стивен.

– Твои способности дуэлянта, ведь о них ходят легенды.

– Да Лэтропа мог бы победить даже ребенок, – пропустив ее похвалу мимо ушей, сказал Стивен, – до того он был дряхлым. Прицелиться и то был не в силах, а пистолет держал обеими руками.

– Поэтому ты в него и не выстрелил?

Стивен кивнул:

– С моей стороны это было бы просто нечестно.

– Но он вызвал тебя на дуэль при свидетелях, и ты поступил в высшей степени благородно, сделав вид, будто промахнулся, и тем самым пощадив его гордость.

– Ошибаешься, Элен, – возразил он и, отчеканивая каждое слово, добавил: – Я просто выстрелил в воздух.

Выстрелить в воздух означало принести извинения, то есть признать свою вину. Втайне надеясь, что есть какое-то иное объяснение этому факту, Элен в раздумье промолвила:

– Ты хочешь сказать, что действительно был любовником Эмили Лэтроп и, выстрелив в воздух, признал свою вину?

– Именно так.

– Можно я задам тебе еще один вопрос?

– Задавай, – ответил он, едва сдерживая досаду и про себя возмущаясь этим беспрецедентным вмешательством в его личную жизнь.

Она в смятении отвела глаза, что случалось с ней крайне редко, затем посмотрела на него с той самой улыбкой, перед которой он обычно не мог устоять, но не сейчас, когда вслед за улыбкой посыпались вопросы, противоречившие даже его понятиям о нормах отношений между полами.

– Интересно, что привело тебя в постель к Эмили Лэтроп?

И если от ответа на этот вопрос он просто уклонился, то следующий вызвал в нем бурю негодования.

- Что она делала с тобой или для тебя, неужели искуснее меня вела любовные игры?
- Было, признаться, кое-что, от чего я приходил в восторг, – произнес Стивен.

Жажда выведать любовную тайну другой женщины помешала Элен уловить в словах Стивена сарказм.

- И от чего, позволь узнать?

Он в раздумье устремил взгляд на ее губы.

– Хочешь, продемонстрирую? – Женщина кивнула, и тогда Стивен, склонившись над ней, обеими руками уперся в подушку так, что его бедра оказались почти на уровне ее головы. – Ну что, не раздумала? Показать, как это делается? – спросил он наигранно страстным шепотом.

Она снова кивнула, причем так игриво и энергично, что раздражение его стало спадать, и он уже не знал, то ли смеяться, то ли сердиться.

– Покажи мне то, что тебе особенно нравилось, только скорее, – произнесла она тоже шепотом, ласково поглаживая его плечи.

И Стивен показал, как это делается. К немалому ее удивлению, он зажал ей рукой рот и с соответствующей его тону улыбкой произнес наставительно:

– Она никогда не задавала мне подобных вопросов, не интересовалась ни тобой, ни другими женщинами, и именно это мне в ней особенно нравилось.

Трудно описать отразившееся на лице Элен разочарование, однако на этот раз она уловила в его вкрадчивом тоне угрозу.

- Надеюсь, мы поняли друг друга, моя любопытная красавица?

Она мотнула головой и сделала отчаянную попытку изменить баланс сил в свою пользу, нежно лизнув его ладонь...

Стивен усмехнулся, разгадав ее хитрость, и убрал руку, не имея ни малейшего желания ни заниматься сексом, ни тем более болтать, и, быстро запечатлев на ее лбу легкий поцелуй, почел за лучшее ретироваться.

Густой туман окутал ночь своим серым покрывалом, сквозь которое с трудом пробивался тусклый свет фонарей. Стивен взял у лакея поводья и ласково заговорил с парой гнедых, которые били копытами и потряхивали гривами. Эти кони впервые попали в город и, когда Стивен ослабил вожжи и пустил их рысцой, бежавший у обочины тротуара конь вел себя как-то нервно, пугаясь в тумане даже стука собственных копыт по булыжной мостовой и теней, отбрасываемых уличными фонарями. Когда слева хлопнула дверь, он шарахнулся в сторону и понес, однако Стивен привычным движением натянул поводья и повернул на Мидлбери-стрит. Лошади как будто немного освоились и теперь бежали крупной рысью. Но тут вдруг где-то поблизости завопил кот, он спрыгнул с тележки, а следом за ним на мостовую лавиной обрушились яблоки. В тот же момент из открывшейся двери трактира хлынул поток света. Началось настоящее светопреставление: завыли собаки, поднялись на дыбы кони, из трактира кто-то вышел шатаясь, исчез на миг между остановившимися на тротуаре двумя экипажами и вынырнул прямо перед экипажем Стивена.

Стивен закричал, но было поздно.

Глава 2

Тяжело опираясь на трость, Ходжкин, дворецкий, в убогой гостиной молча, с почтением слушал рассказ важного господина, лорда Уэстморленда о безвременной кончине хозяина. Слушал бесстрастно, как и положено слуге, и даже потом, когда господин закончил, никак не выказал своих чувств, лишь старался успокоить лорда.

– Как печально, милорд, для бедного лорда Берлтона и для вас. Но ничего не поделаешь, несчастный случай есть несчастный случай, и вам не в чем себя упрекать.

– Думаете, мне от этого легче? Ведь под колесами моего экипажа погиб человек! – с горечью произнес лорд, обращаясь скорее к самому себе, чем к дворецкому.

Неудивительно, что пьяный барон угодил под колеса, но факт остается фактом – правил экипажем не кто иной, как Стивен. И вот он жив и здоров, а молодой Берлтон погиб, и, как оказалось, даже некому его оплакивать. Такой несправедливости Стивен не мог стерпеть!

– Уверен, у вашего господина есть где-то семья – кто-то, кому я мог бы рассказать о случившемся.

Ходжкин отрицательно покачал головой, в полном отчаянии оттого, что снова потерял работу и вряд ли найдет ее до конца дней своих. Барон нанял его потому лишь, что больше не нашлось охотников выполнять одновременно обязанности дворецкого, камердинера, лакея и повара, да еще за такую смехотворную плату.

Боже! Как же он посмел нарушить правила и подумать о собственной судьбе? И, откашлявшись, Ходжкин быстро добавил:

– Как я уже вам говорил, у лорда Берлтона нет близких родственников. Его друзей и знакомых я не знаю, потому что прослужил у барона всего три недели... – Тут он оборвал свою речь и на лице его отразился ужас. – Господи! – воскликнул старик. – Я был так потрясен, что совсем забыл о его невесте. На этой неделе должна была состояться свадьба.

На Стивена опять нахлынуло чувство вины, однако, исполненный решимости, он спросил:

– Кто она и где ее можно найти?

– Она американка, барон познакомился с ней за границей, и завтра она прибывает на судне из наших колоний. Отец ее тяжело болен и не смог сопровождать дочь, так что скорее всего она приедет либо с родственницей, либо с компаньонкой. Вчера вечером лорд Берлтон как раз прощался со своей холостяцкой жизнью. Вот все, что мне известно.

– Но вы должны знать имя девушки. Как Берлтон ее называл?

Напористость лорда Уэстморленда и стыд за свою старческую забывчивость довели несчастного старика до полного изнеможения.

– Я ведь уже вам говорил, что поступил в услужение к барону недавно и еще не успел войти к нему в доверие, – стал он оправдываться. – При мне он называл ее «моя невестушка» или «моя наследница».

– Напрягите память! Ведь упоминал же он хоть когда-нибудь ее имя!

– Нет... я... Постойте-ка! Что-то припоминаю... Ее фамилия навела меня на мысль о графстве Ланкашир, где я очень любил бывать в детстве. Ланкашир. Ланкастер! – завопил он вне себя от восторга. – Вспомнил! Ее фамилия – Ланкастер, а имя – Шарон... Впрочем, нет! Чариз! Чариз Ланкастер!

Усилия Ходжкина были вознаграждены одобрением лорда. И тотчас же последовал новый вопрос:

– А как называется ее судно?

Тут Ходжкину не пришлось напрягаться, он сразу вспомнил и, очень гордый собой, просял от восторга и даже стукнул тростью об пол.

– «Утренняя звезда»! – завопил он и залился краской, устыдившись своего недостойного поведения.

– Больше ничего не вспомните? Тут может помочь любая подробность.

– Есть кое-что, только не хочется болтать лишнего.

– Говорите же, – с неожиданной для самого себя резкостью сказал Стивен.

– Я слышал от барона, что леди совсем юная и настоящая прелесть. Насколько я понял, она без ума от своего жениха, а для ее отца главное – титул барона.

Надежда Стивена на то, что это брак по расчету, растаяла, как дым, когда он услышал, что девушка без ума от своего жениха.

– Ну а сам барон? – спросил лорд, натягивая перчатки. – Как он относился к своей женьтибе?

– Видимо, тоже был влюблен в будущую жену.

– Чудесно, – помрачнев, пробормотал Стивен, направляясь к выходу.

Лишь после его ухода Ходжкин наконец предался мыслям о своей несчастной доле. За душой у него ни пенни, а о какой-нибудь хоть самой плохонькой работенке и мечтать нечего. Он сам не знал, как сдержался, чтобы не просить, нет, не молить лорда Уэстморленда порекомендовать его кому-нибудь, но не решился на столь бесцеремонный и в то же время бессмысленный шаг. Еще за два года до того как лорд Берлтон взял его наконец к себе на службу, старик понял, что никому не нужен камердинер или лакей с лицом, испещренным морщинами, сутулившийся от старости и едва таскавший ноги.

В полном отчаянии, мучаясь также от ужасной боли в суставах, Ходжкин, понурившись, прошаркал в свою комнату в задней части убогих апартаментов, но не успел до нее дойти, как услышал нетерпеливый стук в парадную дверь и заковылял обратно.

– Да, милорд? – произнес он, увидев на пороге графа, только что покинувшего дом.

– Когда я садился в экипаж, то вдруг подумал о том, что со смертью лорда Берлтона вы лишились своего жалованья. Мой секретарь мистер Уитон позаботится о компенсации, – без обиняков по-деловому сказал лорд и уже перед самым уходом добавил: – В моих имениях всегда нужны компетентные люди. Если не собираетесь на покой, свяжитесь с мистером Уитоном. Он сообщит вам детали.

Закрыв дверь, Ходжкин повернулся, окинул взглядом грязную комнату и, все еще не веря в случившееся, вдруг почувствовал себя сильным и молодым. Шутка ли! Получить работу! И не где-нибудь, а в поместье одного из самых обаятельных и влиятельных аристократов Европы!

И предложил ее граф не из жалости, Ходжкин почти уверен, не тот он человек, чтобы держать слуг из милости. Напротив, говорят, он со слугами строг и требует, чтобы в поместьях был идеальный порядок.

«А может, все-таки из жалости?» – терзался сомнениями Ходжкин, не в силах избавиться от чувства унижения. Но тут он вспомнил, как граф сказал, что всегда нуждается в людях компетентных, имея в виду его, Ходжкина. Да, да, так он и сказал: «компетентных». Сердце старика наполнилось радостью и гордостью.

«Компетентный!»

Ходжкин медленно повернулся к висевшему в холле зеркалу и, опершись на черную трость, взглянул на свое отражение. Компетентный...

Он приосанился, что далось ему нелегко, даже причинило боль, распрямил свои узкие плечи, тщательно расправил борта далеко не нового черного сюртука и внимательно посмотрел на себя. Не такой уж он дряхлый, больше семидесяти трех не дашь! Лорду Уэстморленду, во всяком случае, не показался развалиной. Уж это точно! Стивен Дэвид Эллиот Уэстморленд, граф Лэнгфорд считает Элберта Ходжкина достойным приобретением! Лорд Уэстморленд, обладатель поместий по всей Европе, с его дворянскими титулами, полученными от матери и

двух предков, сделавших его своим наследником, считает Элберта Ходжкина также достойным дополнением к одному из своих великолепных поместий!

Ходжкин склонил чуть набок голову, пытаясь представить себе, как он будет выглядеть в элегантной лэнгфордской ливрее, зеленой с золотым шитьем, но что-то мешало ему, как будто туман. Тогда он поднес свои тонкие длинные пальцы к краешку глаза и ощутил доселе неведомую ему влагу.

Смахнув слезу, старик едва сдержался, чтобы не помахать тростью и не сплясать джигу, однако тотчас же спохватился. Нет, такое безумие не к лицу будущему слуге лорда Стивена Уэстморленда, в любой ситуации ему надлежит сохранять достоинство.

Глава 3

Похожее на огромный огненный шар солнце уже скользнуло за окрашенный багрянцем горизонт, когда к стоявшей с самого утра на пристани карете подошел матрос.

– Вон она – «Утренняя звезда», – сказал он Стивену, прислонившемуся к дверце кареты и от нечего делать наблюдавшему за пьяной сварой у соседнего трактира.

Указывая на судно, матрос озадаченно посмотрел на двух кучеров, демонстративно сжимавших в руках пистолеты и, видимо, не столь безразличных, как их хозяин, к опасностям, таившимся в этом зловещем месте на каждом шагу.

– Вон она! – повторил матрос, указывая на неясные очертания в сумерках небольшого суденышка под парусами, входившего в порт. – И запоздала-то всего на чуть-чуть.

Выпрямившись, Стивен сделал знак одному из кучеров, чтобы кинул матросу монетку за труды, а сам медленно побрел вдоль пристани. Как было бы хорошо, думал Стивен, если бы рядом с ним сейчас оказалась мать или хотя бы невестка!

Женщины умеют и пожалеть, и утешить, и их присутствие смягчило бы удар, который он вынужден будет нанести девушке, сообщив трагическую новость и разбив ее заветные мечты.

... – Это сущий кошмар! – воскликнула Шеридан Бромлей, когда сбитый с толку мальчик-слуга уже во второй раз пришел сообщить, что на пирсе ее дожидается «джентльмен».

«Ну, конечно же, это лорд Берлтон», – подумала девушка вне себя от волнения и выпалила:

– Скажи ему, чтобы подождал. Нет, что я умерла. Нет, лучше скажи, что мы никак не можем прийти в себя от морской качки. – Она захлопнула перед его носом дверь и, прежде чем прислониться к ней спиной, задвинула щеколду, после чего уставилась на перепуганную горничную, которая, насупившись, сидела на краешке узкой койки одной на двоих, теребя пухлыми ручками носовой платок. – Скажи, что все это ночной кошмар, Мэг, что я проснусь, и он рассеется как дым!

Мэг так энергично замотала головой, что ленты ее белого чепчика затрепыхались.

– Нет, это не сон. Придется вам все объяснить барону, но так, чтобы он поверил и не обиделся.

– В таком случае я должна буду его обмануть, – в отчаянии произнесла Шеридан. – Не могу же я сказать, что умудрилась потерять его невесту где-то на побережье Англии. Именно потерять. Ведь это убьет его!

– Но вы не теряли ее, она просто-напросто сбежала! Сбежала с мистером Морисоном на последней остановке в одном из портов.

– Не в этом дело! Главное, что я обманула доверие ее отца и барона. Недосмотрела. И теперь нет иного выхода, как пойти к барону и во всем признаться.

– Боже упаси! – воскликнула Мэг. – Он тут же посадит нас в тюрьму! И потом, надо как-то уладить это дело, ведь нам некуда деваться, одна надежда на него. Мисс Чариз не оставила ни пенса, нам даже не на что купить обратный билет.

– Найду себе какую-нибудь работу, – заявила Шерри, хотя голос ее дрожал, а сама она готова была провалиться сквозь землю.

– Кто вас возьмет без рекомендательного письма! – воскликнула Мэг, чуть не плача. – И ночевать нас без денег никто не пустит. Так что придется спать в сточной канаве или каком-нибудь еще более ужасном месте.

– Что может быть ужаснее сточной канавы? – спросила Шеридан. Но только было Мэг открыла рот, чтобы ответить, как Шеридан жестом руки остановила ее и, немного приободрившись, не без юмора сказала: – Нет, нет! Умоляю! Только не это. Не говори, что нас превратят в белых рабынь.

Мэг побелела как мел, так и оставшись с разинутым ртом, а потом еле слышно произнесла:

– Белых... рабынь?

– Мэг! Ради Бога, я просто неудачно пошутила.

– Не надо говорить ему правду, не то нас бросят в каталажку. – Мэг казалась очень испуганной.

– Но почему, – взорвалась Шерри, впервые в жизни близкая к истерике, – ты без конца твердишь о тюрьме?

– Потому что у них здесь такие законы, мисс, и вы... то есть мы... мы их нарушили. А случайно или нарочно, им это безразлично. Они даже слушать нас не станут, засадят за решетку, и дело с концом. Здесь уважают только аристократов, а остальных и за людей не считают. Мало ли что может взбесить барону в голову! Что мы убили ее и ограбили или же продали. И поверят ему, а не нам, потому что мы здесь никто, и закон, само собой, будет на его стороне.

Шеридан хотела сказать что-нибудь утешительное или смешное, но была просто не в состоянии после всех физических и моральных мучений, которые ей пришлось пережить, не говоря уже о морской качке и исчезновении Чариз за два дня до их прибытия на место. И зачем только она взялась за это гиблое дело? Просто переоценила свои способности, решив, что справится с недалекой, испорченной семнадцатилетней девчонкой и что любые трудности морского путешествия ей нипочем. В общем, понадеялась на свой острый ум и практичность, а также опыт, приобретенный в школе мисс Тэлбот, где она обучала хорошим манерам юных леди, среди которых была и Чариз.

Введенный в заблуждение самоуверенностью Шеридан, отец Чариз, человек строгий, вынужденный из-за болезни сердца отказаться от поездки в Англию с дочерью, предпочел Шеридан в качестве ее компаньонки другим более опытным претенденткам на эту роль, хотя она была всего на три года старше Чариз.

Не обошлось тут, разумеется, и без самой Чариз, которая то обхаживала отца, то дулась на него, требуя, чтобы ее сопровождала именно мисс Бромлей, и отцу ничего не оставалось, как согласиться. Аргументировала Чариз свой каприз тем, что именно мисс Бромлей помогала ей писать письма барону, что она не похожа на тех кандидаток с кислыми физиономиями, с которыми отец беседовал.

С мисс Бромлей будет весело, умасливала Шеридан отца, мисс Бромлей не даст ей затосковать по дому и вместо того, чтобы выйти замуж за барона, вернуться в Америку, к своему папочке.

Все это чистая правда, в смятении размышляла Шеридан. В какой-то мере она виновата в побеге девушки с малознакомым человеком. Не исключено, что этот поступок Чариз совершила под влиянием романа, который Шеридан пересказала ей во время их путешествия, душещипательной романтической истории.

Ее тетушка Корнелия была категорически против любовных романов с их «глупой романтичностью», как она говорила, и Шеридан приходилось читать тайком, задернув занавески вокруг кровати. Уединившись таким образом, девушка вживалась в образ героини романа, с упоением принимала ухаживания лихих красавцев аристократов, позволяя им завоевывать ее сердце с первого взгляда.

Потом она закрывала глаза и предавалась мечтам. Вот она танцует с ним на балу, в роскошном платье, с уложенными в какую-то немыслимую прическу золотистыми волосами. Вот гуляет по парку, опираясь своей изящной рукой на его сильную руку, а из-под модной шляпки выбиваются непокорные пряди золотистых кудрей. Она переживала каждый роман столько раз, что самые любимые сцены помнила наизусть и часто их про себя повторяла, неизменно ставя на место героини себя...

«Барон схватил руку Шеридан и прижал к губам, клянясь в верности до гроба.

– Ты – моя единственная любовь...»

«Графа так потрясла красавица Шеридан, что он, потеряв самообладание, поцеловал ее в щеку.

– Прости, но это выше моих сил. Я обожаю тебя!»

Но одну, самую любимую сцену воображение рисовало ей особенно часто.

«Принц заключил ее в объятия и прижал к сердцу:

– Будь у меня сотни царств, я все до единого бросил бы к твоим ногам, моя ненаглядная. Что я без тебя?»

Лежа в постели, Шеридан меняла по собственному вкусу сюжет, диалоги, даже ситуации и место действия, неизменным оставался только он, герой ее романа. Она знала о нем все до мельчайших подробностей, потому что сама его придумала. Сильный, мужественный, волевой и в то же время добрый, мудрый, терпеливый. Высокий и красивый – с темными волосами и чудесными голубыми глазами, то обольстительными, то пронизательными, то искрившимися юмором. Он любит посмеяться вместе с ней, и она рассказывает ему смешные анекдоты. Он обожает читать и образованнее ее, а возможно, и практичнее. Шеридан ненавидит высокомерие и напыщенность. И если вынуждена мириться с этими качествами как с неотъемлемой частью отцов ее учениц в школе, то в собственной семье ничего подобного не потерпит.

И конечно же, ее роман имеет счастливый конец. Воображаемый герой становится воображаемым мужем. Опустившись на одно колено, он предлагает ей руку и сердце и произносит: «До тебя я не знал счастья... До тебя я не знал, что такое любовь... До тебя я искал свою половинку и вот наконец нашел». Или что-то еще в этом роде.

Ее избранник ценит в ней не только красоту лица, но и красоту души. Покоренная его нежностью и неоспоримыми аргументами в пользу их брака, Шеридан отвечает ему согласием, и, ко всеобщему изумлению и всеобщей зависти, они сочетаются браком в Ричмонде, штат Вирджиния. Он увозит ее и тетюшку Корнелию в свой роскошный особняк на холме, где всего себя отдает их супружескому счастью и где единственной ее заботой будет, какое надеть платье. В довершение ко всему он помогает ей разыскать отца и убеждает его переехать к ним, после чего жизнь их становится еще счастливее. У Шеридан, разумеется, не было ни малейшего шанса встретить в лице мужчины само совершенство, но даже случись такое, «само совершенство» и не взглянуло бы в ее сторону. Однако в теплой постели и ночной темноте все казалось возможным. Каждое утро Шеридан Бромлей зачесывала назад свои густые рыжие волосы, собирая их в пучок на затылке, и отправлялась на работу. Никому и в голову не пришло бы, что эта весьма строгого вида особа, которую и персонал школы, и ученики, и их родители прозвали старой девой, глубоко романтична.

Однако она сумела внушить всем, в том числе и самой себе, что является воплощением практичности и рациональности.

И вот теперь, из-за того что она не оправдала оказанного ей безграничного доверия, Чариз придется выйти замуж не за блистательного милорда, а за самого заурядного мистера, с которым она, возможно, будет влачить жалкое существование. И если даже ее папашу от гнева не хватит удар, то уж наверняка он сделает все, чтобы превратить жизнь Шеридан и ее тетюшки в суший ад.

А бедняжку Мэг, такую застенчивую и робкую, прослужившую в качестве горничной Чариз пять лет не за страх, а за совесть, наверняка выставят за дверь и рекомендательного письма не дадут. А без него о приличном месте и мечтать нечего.

Но все это лишь в лучшем случае! Если им удастся каким-то образом вернуться домой.

А в худшем, если права Мэг, а Шеридан уверена, что она права, им обоим придется провести остаток жизни в тюрьме – и бедняжке Мэг, и практичной и рациональной Шеридан Бромлей.

Терзаемая страхом и чувством вины, Шерри едва сдерживала готовые хлынуть горячим потоком слезы. Сколько несчастий обрушилось на их головы, и все из-за ее дурацкой доверчивости и не менее дурацкого желания хотя бы краешком глаза взглянуть на блистательный Лондонский Сити и изысканных аристократов, о которых она начиталась в романах. И почему только она не прислушалась к тетушке, постоянно твердившей, что за всеми этими достопримечательностями можно не разглядеть простого женского счастья, что Бог не прощает гордыню, так же как жадность и праздность, и что для настоящего джентльмена скромность в женщине важнее красоты!

Что касается женского счастья и гордыни, то тут тетушка была абсолютно права, и Шерридан, хоть и поздно, не могла в этом себе не признаться. Она вообще готова была внять советам тетушки, но только тем, которые не касались ее поездки в Англию. Тетушка Корнелия обожала предсказания, свято чтит обряды, а также раз навсегда заведенный порядок, и Шерри от этого просто хотелось выть.

Глава 4

Сидя в крохотной каюте и глядя пустыми глазами на бедняжку Мэг, Шерри ничего так не желала, как снова оказаться в Ричмонде, в обществе тетюшки в их крохотном трехкомнатном домике, с неизменным чайником на столе, и всю оставшуюся жизнь наслаждаться теплым чаем и скукой.

Но если британские законы таковы, как говорит Мэг... Шеридан вообще не вернется домой и никогда не увидит тетюшку. Эта мысль просто убивала ее.

Шесть лет назад, когда Шеридан впервые приехала к старшей сестре своей матери, перспектива не встречаться больше с Корнелией Фарадей показалась бы ей необычайно счастливой, но отец лишил ее возможности выбора. До того дня он возил ее за собой в фургоне, груженном всевозможными товарами, начиная от мехов и косметики и кончая жестяными чайниками и вилами, предметами роскоши и предметами первой необходимости, которые он продавал или обменивал на фермах и в хижинах, встречавшихся на пути.

А путь себе они выбирали сами. Зимой двигались по восточному побережью на юг, а летом – на север. Иногда, залюбовавшись необыкновенно красивым закатом, они сворачивали на запад или же вслед за журчащей речушкой делали поворот на юго-запад. Зимой, когда дороги заносило снегом, они находили приют либо у фермера, либо у владельца лавки, которые обычно нуждались в паре свободных рук, и тогда ее отец-ирландец отработывал их ночлег.

Где только не приходилось ночевать Шеридан к тому времени, когда ей исполнилось двенадцать лет: и на сеновале, и на перине в доме, населенном хохочущими дамами в ярких шелковых платьях с такими глубокими вырезами, что казалось, их груди вот-вот вывалятся наружу. Но кем бы ни была хозяйка дома, где они ночевали, – женой ли фермера или же проповедника с постным лицом, или дамой в пурпурном шелковом платье, отороченном черными перьями, все они души не чаяли в ее отца, Патрике, и по-матерински заботились о самой Шеридан. Да и как можно было не любить ее отца, такого приветливого и обходительного и к тому же трудолюбивого, готового за ночлег и еду работать от зари до зари. И благодарные женщины кормили его как на убой и баловали любимыми лакомствами.

Шеридан они ласково поддразнивали рыженькой и хохотали до упаду, когда отец называл ее своей «маленькой морковкой». Они подставляли ей под ноги скамеечку, когда она изъявляла желание помочь мыть посуду, а когда уезжала, одаривали лоскутами, иглами и нитками, чтобы она могла сшить одеяльце или платье для своей куклы Аманды. Шеридан обнимала их, благодаря за себя и за Аманду, а они смеялись, уверенные в том, что она не шутит, и целовали ее на прощание, шепча ей на ушко, что она вырастет красавицей, а Шеридан тоже смеялась, уверенная в том, что они шутят. Потом они с грустью смотрели вслед фургону, увозившему Шеридан и ее отца, махали им и кричали: «Бог в помощь!», «Поскорее приезжайте опять!».

Ему не раз предлагали остаться, взять в жены то ли хозяйскую, то ли соседскую дочку.

– Спасибо, – с улыбкой отвечал ирландец, – но это было бы двоеженством, потому что мать Шеридан жива. В моем сердце. – При этом глаза его темнели.

Они всегда темнели, когда отец вспоминал о маме, и Шеридан становилось так грустно! Но спустя некоторое время на лице его снова появлялась улыбка. Маму и маленького брата унесла страшная болезнь с мудреным названием «дизентерия», и после этого папа долго не мог оправиться, целыми днями молча сидел у очага в их крохотной хижине, потягивая виски и совершенно забыв об урожае, гниющем в поле, не говоря уже о том, чтобы что-то посеять. Он не разговаривал, не брился, почти ничего не ел, и казалось, его несколько не волновало, подохнет или не подохнет от голода их мул. Шестилетняя Шеридан, привыкшая помогать маме, теперь взвалила на себя всю ее работу.

Но отец как будто не замечал, как ей трудно. В один поистине роковой день девочка обожгла обе руки и вдобавок сожгла яичницу, которую жарила для отца. Превозмогая боль и сдерживая слезы, девочка потащила к ручью белье, захватив обмылок, встала на колени и опустила в воду фланелевую рубашу отца, с грустью вспоминая те счастливые дни, когда они ходили к ручью вместе с мамой. Мама стирала и что-то тихонько напевала, а Шеридан присматривала за маленьким Джейми, который, гукая, плескался в воде и шлепал своими пухлыми ручонками по солнечным зайчикам. Мама очень любила петь, научила Шеридан английским народным песням, и они вместе пели их во время работы. Иногда мама умолкала и, наклонив голову набок, со странной, горделивой улыбкой слушала пение Шерри. А то вдруг обнимет ее крепко-крепко и скажет: «Голосок у тебя такой нежный и какой-то особенный – ну прямо как ты сама». Или еще что-нибудь в том же духе.

Глаза Шерри затуманивались слезами от этих воспоминаний. Словно живую, видела она перед собой маму, в ушах звучала ее любимая песня. Вот мама улыбнулась, глядя на маленького Джейми, потом перевела взгляд на Шеридан, насквозь промокшую, будто она вместе с братишкой плескалась в воде, и сказала: «Спой нам что-нибудь, ангел мой...»

Под впечатлением этих воспоминаний Шеридан попробовала спеть, но голос прерывался от слез. Девочка утерла их тыльной стороной ладоней и вдруг заметила, что рубаша отца плывет вниз по течению. Достать ее Шерри не могла и, забыв о том, что она уже большая и должна быть мужественной, подтянула колени к груди и, зарывшись лицом в мамин фартук, зарыдала от горя и страха. Она плакала, раскачиваясь взад и вперед, вдыхая аромат полевых цветов и трав, пока совсем не охрипла.

«Мама, – молила она сквозь рыдания, – ты так мне нужна, так нужна, так нужна! И маленький Джейми тоже. Пожалуйста, вернись к нам! Вернись! Вернись! О пожалуйста! Я не могу без тебя, не могу!»

– Я тоже не могу, – услышала она голос отца, но не тот чужой и безжизненный, который был у него много месяцев, а родной, до боли знакомый, чуть охрипший от переполнявших его чувств. Он сел рядом и обнял ее. – Но держу пари, вдвоем, радость моя, мы справимся. – Он вытер ей слезы и продолжал: – Хочешь, давай бросим все и отправимся путешествовать, ты и я? Что ни день, то приключение. У меня было много приключений, когда я путешествовал. И во время одного из них я познакомился с твоей мамой, когда проезжал через Шервинз-Глен в Англии. В один прекрасный день мы с тобой поедем туда, но с шиком. Не так, как уезжали оттуда с твоей мамой.

Перед смертью мама Шеридан с тоской вспоминала о живописной английской деревушке, где родилась, о том, как ходила в большой зал на танцевальные вечера. Возле дома приходского священника вдоль белой ограды в изобилии росли необыкновенно красивые алые розы, сорта Шеридан, и мама решила назвать так свою первую дочку. Желание отца еще раз побывать в Шервинз-Глен, видимо, возникло у него после смерти матери, и девочка никак не могла вначале понять, почему папу так тянет туда. Ведь он сам ей рассказывал, что наиболее влиятельный человек в деревне по имени эсквайр Фарадей – настоящее чудовище, что его все ненавидят, и в то же время собирался выстроить себе дом рядом с домом эсквайра, разумеется, если вернется туда.

Впервые отец встретился с Фарадеем, когда привез ему из Ирландии для его дочери великолепного коня, и, поскольку в Ирландии у отца никого не осталось в живых, он решил поселиться в этой деревне и поработать у эсквайра в качестве грума и тренера по верховой езде.

Лишь когда Шеридан исполнилось одиннадцать лет, она узнала, что вероломный, бездушный, высокомерный эсквайр Фарадей – родной отец мамы!

Ее всегда удивляло, что отец увез маму из ее любимой деревни, а потом уговорил уехать в Америку вместе с ее старшей сестрой, которая затем осела в Ричмонде и уже не захотела уезжать оттуда. Как ни странно, они увезли с собой только коня, не считая того, во что были

одеты, и небольшой суммы денег. Этого коня по кличке Финиш-лайн мама буквально обожала и не пожалела средств, чтобы переправить его морем в Америку, но по прибытии на место вскоре продала.

Из разговоров родителей Шеридан поняла, что Англию они покинули скоропалительно из-за каких-то неприятностей, однако точно ничего не знала. А отец, видимо, не собирался удовлетворять ее любопытство, и пришлось Шеридан набраться терпения и ждать, когда у них появится дом в Шервинз-Глен, чтобы самой во всем разобраться на месте. Теперь прямых вопросов Шеридан отцу не задавала, все ходила вокруг да около. И все-таки ей удалось кое-что понять. Отец рассчитывал на крупный выигрыш в карты, хотя ему постоянно не везло. Но он надеялся на чудо, полагая, что в один прекрасный день фортуна снова ему улыбнется.

– Все, что мне нужно, дорогая, – усмехаясь говорил отец, – это длинная полоса везения за правильно выбранным игорным столом. Было время, когда я выигрывал по-крупному, и оно снова придет. Нутром чую.

И Шеридан верила, потому что отец ни разу ей не солгал. Так они переезжали с места на место, беседуя то о самых тривиальных вещах, обсуждая тетюшек с их привычками, то о сотворении мира и других серьезных проблемах. Их бродячий образ жизни многим казался странным.

Шерри он поначалу не нравился, даже пугал ее, но скоро она привыкла и полюбила его.

Раньше она и представить себе не могла, что за их фермой и лугом есть какой-то другой мир. Теперь же за каждым поворотом открывалось что-то новое. А какие интересные люди встречались по пути! Одни направлялись в такие экзотические места, как Миссисипи или Огайо, и даже в Мексику! Другие возвращались оттуда.

От них Шеридан узнала об удивительных странах с удивительными обычаями и столь же удивительным образом жизни. А поскольку и Шеридан, и ее папа были добры и приветливы, многие путешественники, не желая с ними расставаться, двигались с той же скоростью, что и фургон Бромлеев. И Шеридан затаив дыхание слушала рассказы негритянской четы Изикьела и Мэри об Африке. Там, кстати, их звали совсем по-другому. Имена изменить нетрудно, чего не скажешь о крутых завитках черных волос и черной коже, блестящей и гладкой. Они научили девочку своим песням, непохожим на те, что пела она, несколько монотонным, но в то же время поднимающим настроение.

Через год после того, как они расстались с неграми, одним пасмурным зимним днем им встретился старый индеец с глубокими морщинами на дубленом лице. Под ним был конь в яблоках, резвый и молодой, полная противоположность всаднику.

После долгих уговоров он привязал коня к заднему борту фургона, забрался внутрь и, когда Шеридан спросила, как его зовут, сказал, что Спящая Собака. В ту ночь, сидя у костра, он по просьбе девочки спел индейскую песню, казалось, состоящую из одних гортанных звуков, и при этом, как бы аккомпанируя себе, хлопал ладонями по коленям. Шеридан с трудом сдержала улыбку, чтобы не обидеть его, однако индеец это заметил, сразу умолк, и глаза его сузились.

– А сейчас, – сказал он повелительным тоном, – ты спой.

Шеридан теперь было так же привычно петь песни с путешественниками у костра, как и беседовать с ними. И она, не раздумывая, запела ирландскую песню, которой ее выучил папа, – о страданиях юноши, потерявшего возлюбленную. И вдруг, в самом трагическом месте, Спящая Собака издал какой-то странный, похожий на смешок звук. От быстрого взгляда Шеридан не ускользнуло появившееся на лице индейца изумление. Она поняла, что на этот раз он с трудом сдерживает смех, и оборвала пение.

– Слезы, – изрек индеец тоном превосходства, ткнув в нее пальцем, – удел женщин.

– О, – с досадой возразила Шеридан, – ирландцы, наверное, так не считают, потому что в их песнях мужчины плачут. Этой песне меня научил папа, а он ирландец. – И она взглянула на отца, ища поддержки. – Ведь мужчины у нас на родине плачут, правда, пап?

В глазах отца заплясали смешинки, он выплеснул остатки кофейной гущи в костер и ответил:

– Ну видишь ли, дорогая, если согласиться с тобой, мистер Спящая Собака будет всю жизнь думать, что Ирландия – страна печали, что все мужчины там плаксы и рукава у них насквозь промокли от слез. Ничего хорошего, верно? Если же не согласиться, ты сочтешь своего папу лгуном, а песню, которой я тебя выучил, лживой. Тоже не годится.

И, заговорщически подмигнув ей, он сказал:

– А что, если ты перепутала слова и в песне поется об итальянцах, а не об ирландцах?

Дело в том, что, путешествуя уже целых три года, они играли в игру «А что, если...», которую сами придумали, и сейчас она была как нельзя кстати. Иногда вопросы бывали довольно серьезные: «А что, если конь захромает» или же: «А что, если явится фея и предложит загадать желание», но независимо от вопроса выигрывал тот, кто быстрее всех давал исчерпывающий ответ.

Шеридан это почти всегда удавалось. И отец не без гордости заявлял, что ему за ней не угнаться.

На какой-то момент девочка, сдвинув брови, задумалась, а затем с веселым смешком объявила о своем решении:

– Самое лучшее – притвориться, будто у тебя срочное дело, и таким образом уйти от ответа. Что бы ты ни сказал, попадешь в неловкое положение.

– Ты права, – рассмеялся отец и вежливо пожелал Спящей Собаке доброй ночи. Веселая словесная перепалка не вызвала и тени улыбки у stoического индейца, зато сквозь пламя костра он бросил на Шеридан долгий, внимательный взгляд, поднялся и, не проронив ни слова, отправился ночевать в лес.

На следующее утро Спящая Собака предложил Шеридан прокатиться на его коне, и она сразу заподозрила, что удостоилась такой чести лишь потому, что индеец предпочел ехать с комфортом в фургоне, вместо того чтобы трястись на лошади, однако признаться в этом ему было неловко.

Шеридан, никогда не ездившая верхом, если не считать катания на дряхлой кляче, тащившей их фургон, не без трепета оглядела прекрасного резвого коня и уже хотела отказаться, когда встретила насмешливый взгляд индейца. С притворным сожалением девочка сообщила, что у них нет седла, на что Спящая Собака, теперь уже с презрением, заявил, что индейские девушки, как и мужчины, не пользуются седлами.

Он продолжал смотреть на нее с вызовом, видимо, догадываясь, что она трусит. Этого Шеридан не могла стерпеть. Уж лучше она рискнет жизнью, чем позволит какому-то старику презирать ее, а заодно и всех ирландских детей.

И Шеридан с решительным видом подошла к индейцу и взяла у него повод. Он и не собиравшись посадить ее. Тогда она, подведя животное к фургону, залезла внутрь и, подтянувшись, села на коня.

Боже, и зачем только она это сделала! Земля показалась ей слишком далекой и очень-очень жесткой. Она пять раз падала, чувствуя, что индеец и его норовистый конь смеются над ней. А на шестой так разозлилась и от своих неудач, и потому, что ныло все тело, что уцепилась за повод, подскочила, изо всех сил дернула коня за уши, обозвав его дьяволом по-немецки, поскольку слышала это слово от немецкой четы, ехавшей в Пенсильванию, и уселась наконец верхом. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять, что индейским коням по душе больше грубость, чем робость: животное перестало брыкаться и вставать на дыбы и пошло мягкой, спокойной рысью.

В тот вечер у костра, наблюдая, как готовит ужин отец, Шеридан, мучаясь от боли в спине, изменила позу, невольно встретившись взглядом со Спящей Собакой, впервые с того момента, как днем ранее привязала коня к фургону.

Вместо того чтобы прямо сказать, что ей недостает ловкости индейских девушек, Спящая Собака пристально смотрел на нее в свете колеблющегося пламени костра и вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Что значит твое имя?

– Мое имя? – переспросила она после минутного раздумья и объяснила, что ее назвали по имени цветка на родине ее матери, в Англии, которая находится за морем. Индеец недовольно заворчал, и Шеридан спросила: – Ну хорошо, а как бы вы меня назвали?

– Какой же ты цветок? – сказал он, внимательно рассматривая ее веснушчатое лицо и растрепанные волосы. – Ты – огонь. Ты – пламя. Ты – пылающий факел.

– Что? – Шеридан рассмеялась. – Вы хотите сказать, что мои волосы такого же цвета, как огонь?

Даже враждебность индейца и его норовистый конь никак не повлияли на дружелюбие и любопытство девочки, она просто не умела долго злиться.

– А вот папа, – улыбнулась она, – зовет меня морковкой. Морковка – это овощ... ну, как... маис. Она тоже рыжая, как я. Точнее, оранжевая.

– У белых имена не такие красивые, как у индейцев.

Шеридан очень хотелось сказать, что уж лучше называться морковкой, чем собакой, но, будучи девочкой вежливой и воспитанной, она воздержалась, только спросила:

– А как бы меня называли индейцы?

– Огненные Волосы, – ответил он. – А если бы ты была мальчиком, – Мудрый на Века.

– Как это?

– Ты уже мудрая, – попытался он объяснить. – Мудрая, но не старая. Молодая.

– О, мне бы очень хотелось называться мудрой! – воскликнула Шеридан, подумав, что индеец ей решительно нравится. – Мудрая на Века, – повторила она, очень довольная, бросив взгляд на улыбающегося отца.

– Ты женщина, – надменно возразил индеец, остудив ее пыл, – а женщины не бывают мудрыми. Твое имя – Огненные Волосы.

Шеридан не возмутилась, даже не заикнулась о том, что папа считает ее очень умной, потому что индеец ей все равно нравился, и примирительно сказала:

– Огненные Волосы – очень красивое имя.

Впервые за все время старик улыбнулся и сразу помолодел. Видимо, догадался, что его высказывания могли показаться Шеридан обидными.

– Нет, ты Мудрая на Века, – сказал он, пытаясь загладить неловкость, и улыбнулся папе: мол, решение это окончательное и обсуждению не подлежит.

Отец одобрительно кивнул, и Шеридан уже в который раз подумала о том, какая замечательная штука жизнь. Пусть внешне все люди разные, в душе они мало чем отличаются друг от друга.

Все любят посмеяться, побеседовать, помечтать... и, что греха таить, похвастать своей отвагой и смелостью.

Ведь печаль – родная сестра плохого настроения, а плохое настроение быстро проходит. Шеридан сама в этом не раз убеждалась.

Глава 5

На следующее утро за завтраком отец по достоинству оценил украшенный кисточками и бисером необычайно красивый пояс, который Спящая Собака носил на своих бриджах из оленьей кожи. Оказалось, что он сам его сделал. Тут же была заключена сделка: Спящая Собака делает модные пояса и браслеты, а отец их по пути продает.

С согласия индейца Шеридан назвала его коня Быстрые Ноги и теперь охотно ехала на нем. Пока отец и Спящая Собака, удобно устроившись в фургоне, вели долгие беседы, она скакала впереди, а потом возвращалась к ним, пригнувшись к шее лошади. При этом ее пышные волосы, смешиваясь с конской гривой, развевались на ветру, а смех колокольчиком звенел под ослепительно голубым небом.

В тот день, когда Шерри, преодолев страх, впервые помчалась галопом, она с гордостью спросила индейца, похожа ли она теперь хоть немного на индейских мальчиков. Индеец вытирает от удивления глаза, затем бросил в траву огрызок яблока.

– А может ли Мудрая на Века на всем скаку поднять с земли эту штуку? – в свою очередь, спросил он и указал на огрызок.

– Конечно, нет, – ошеломленно ответила девочка.

– А индейские мальчики могут.

Прошло три года, и Шерри уже проделывала не только этот, но и многие другие трюки, что не могло не встревожить отца. Зато индеец к успехам своей ученицы относился одобрительно, и не успевала она освоить очередной фокус, как Спящая Собака показывал новый.

Благодаря индейцу доходы их множились день ото дня. У него были золотые руки, и любая сделанная им вещь моментально находила покупателя. Вдобавок Спящая Собака оказалась прекрасным охотником и рыболовом, и у них в меню прибавилось блюд.

Шерри в голову не приходило, что их маленькая дружная компания со стороны выглядела довольно странно. Старый индеец, юная леди в брюках из оленьей кожи, галопом скачущая на коне без седла, по-мужски, да еще частенько задом наперед, и красивый ирландец с мягким приятным выговором, большой любитель азартных игр. Было чему удивляться.

Но Шерри скорее казалась странной жизнь в душных шумных городах, таких, как Балтимор, Огаста или Шарлотта. Она даже перестала мечтать о доме в деревне Шервинз-Глен, ради которого отец, по его словам, играл в карты, надеясь на крупный выигрыш.

Своими мыслями Шерри поделилась с красивым голубоглазым испанцем лет двадцати пяти через несколько дней после того, как он решил присоединиться к ним по пути из Сент-Огастин в Саванну.

– *Saga mia*², – сказал он, смеясь от души. – Очень хорошо, что ты не торопишься в Ирландию, потому что твой папа – слишком слабый игрок. Вчера как раз мы играли в заведении мадам Гертруды, и я сидел напротив него. Ну и мошенничают же там!

– Мой папа никогда не мошенничает! – вскочив, возмущенно крикнула Шерри, но испанец удержал ее за руку.

– Успокойся, другие мошенничают. А твой папа этого не понимает.

– Почему же ты не пристрелил этих негодяев? – с горячностью спросила Шерри, бросив взгляд на его пистолет. Подумать только! Эти подонки смеют обманом выуживать у отца потом и кровью заработанные деньги! И она повторила: – Всех надо было пристрелить, до единого!

– Так бы я и поступил, *querida*³, если бы сам тоже не мошенничал. – Он весело улыбнулся.

Шеридан вырвала у него руку.

² Дорогая моя (*исп.*).

³ Родная (*исп.*).

– Ты обманывал моего папу?

– Нет, нет. – Он пытался придать лицу серьезное выражение. – Я мошенничаю, лишь когда мошенничают другие, иначе просто нельзя, иными словами, отвечаю обманом на обман.

Как выяснилось позднее, Рафаэля, азартного игрока, выгнали из дому, и ему пришлось покинуть асиенду его семьи в Мексике в наказание за его пагубные пристрастия.

У Шеридан, обожавшей свою маленькую семью, просто в голове не укладывалось, как могут родители выгонять из дома детей. Но возможно, Рафаэль совершил нечто ужасное?

Она очень осторожно спросила об этом отца. Он обнял ее за плечи и спокойно сказал, что Рафаэль сообщил ему подлинную причину своего изгнания, – привязанность к женщине, которая, к несчастью, уже была замужем.

Шеридан ни о чем больше не спрашивала, хорошо зная, что с непорядочным человеком отец не стал бы путешествовать вместе. Да ей и самой не хотелось плохо думать о Рафаэле.

В свои двенадцать лет она считала Рафаэля Бенаvente самым красивым и обаятельным мужчиной на свете, разумеется, после ее отца.

Рафаэль рассказывал удивительные истории, подшучивал над ее мальчишескими выходками и уверял, что она будет настоящей красавицей, когда вырастет, что ни у кого нет таких серых, как грозовые тучи, холодных глаз, великолепно оттенявших ее рыжие волосы.

Раньше Шеридан нисколько не интересовалась своей внешностью, но сейчас страстно желала, чтобы предсказания Рафаэля сбылись и чтобы он мог в этом убедиться. А пока она наслаждалась его обществом, и ей нравилось, что он относится к ней как к ребенку.

У Рафи, не в пример другим путникам, встречавшимся им по дороге, водились деньги. Он ехал куда глаза глядят, чаще ее отца играл в карты. И все, что выигрывал, не задумываясь тратил. Однажды, в пригороде Саванны, штат Джорджия, где они устроили привал, Рафаэль исчез на четверо суток, а когда появился, от него пахло духами и виски. Шерри собственными ушами слышала, как женщины, направлявшиеся со своими мужьями в Миссури, обсуждали его исчезновение, и предположила, судя по его виду, что он развлекался с проституткой.

Что такое «проститутка», она представляла себе весьма смутно, но из того же разговора поняла, что это нехорошая женщина, способная с помощью злой силы «свернуть мужчину с пути истинного». Что это за сила, Шерри тоже не знала, лишь инстинктивно догадывалась.

В тот день, когда Рафи вернулся небритый и пахнувший проститутками, Шеридан на коленях горячо молилась о том, чтобы с ним ничего не случилось, молилась, как умела, с трудом сдерживая рыдания. Она то впадала в отчаяние, то злилась, то ревновала и весь день не желала с ним разговаривать. Устав ее уговаривать, Рафи пожал плечами и больше не подходил к ней. Однако на следующий вечер появился у костра с лукавой улыбкой на лице и гитарой в руках. По-прежнему не замечая Шерри, он уселся напротив и коснулся струн.

Боже! Как он играл! Ничего подобного Шерри никогда не слышала. Под его пальцами струны, казалось, ожили. Сердце у Шерри учащенно забилося, ноги сами начали отбивать такт. Вдруг ритм изменился, и зазвучала печальная, трогаящая душу мелодия, а за ней снова легкая и веселая. Глядя на Шерри сквозь пламя костра, Рафаэль подмигнул ей и запел песню, будто сочиненную специально для нее. О мужчине, который по собственной глупости потерял в жизни все, в том числе и любимую женщину. Не успела Шерри опомниться, как Рафаэль запел знакомую ей песню, исполненную нежности и красоты.

– Подпевай мне, *querida*, – по-дружески обратился он к ней.

Как и все путники, Шерри любила петь, но в этот вечер испытывала безотчетную робость. Чтобы пересилить себя, девочка закрыла глаза и, стараясь думать только о музыке, небе и ночи, запела. Трудно передать словами, как замечательно гармонировал ее чистый, высокий голос с его грудным баритоном.

Песня кончилась, а Шерри, очарованная музыкой, все еще сидела с закрытыми глазами, пока не услышала громких рукоплесканий. Это расположившиеся на противоположной сто-

роне путники, привлеченные пением, пришли выразить свое восхищение. После этого она часто подпевала Рафи, и недостатка в слушателях не было, где бы они ни останавливались, в городе или в деревне. В благодарность за пение люди угощали их, даже давали деньги. Рафи научил ее играть на гитаре, хотя его мастерства она так и не достигла. Научил он ее также свободно говорить по-испански и немного по-итальянски, поскольку и сам не очень хорошо владел этим языком. Он также выполнил просьбу Шерри, следя за тем, чтобы ее отца не обманывали за карточным столом, и Патрик теперь все чаще и чаще выигрывал. Рафи даже стал предлагать отцу всякие рискованные сделки. И если Шерри они очень не нравились, отец считал их весьма заманчивыми. Единственным, кто недолюбливал Рафи, был индеец. Он считал ниже своего достоинства даже разговаривать с ним и отвечал лишь на его прямые вопросы, и то невнятным бурчанием. Он даже охладел к Шерри, и когда она, огорчившись, спросила об этом отца, тот ответил, что индеец обиделся на нее за то, что она теперь уделяет ему меньше внимания. Шерри решила исправить положение и все чаще находила предлоги, чтобы посоветоваться с индейцем, и вместо того, чтобы скакать верхом на коне рядом с Рафи, ехала вместе со Спящей Собакой в фургоне. Так снова воцарились мир и согласие в их маленькой компании. Все, казалось бы, шло идеально, пока... Пока отец не повез ее в Ричмонд, штат Вирджиния, к ее единственной тетке, сестре ее покойной матери, записной старой деве.

Глава 6

Взволнованная до глубины души встречей со своей единственной родственницей, Шерридан тем не менее чувствовала себя очень неудобно в маленьком, душном домике тетушки Корнелии, думая лишь о том, как бы не разбить какую-нибудь безделушку или не запачкать, к примеру, кружевной платочек, которые то и дело попадались ей под руку. И хотя она изо всех сил старалась быть осторожной, сразу почувствовала, что очень не понравилась тетушке и та с неодобрением следит за каждым ее шагом. А когда через два дня после приезда услышала разговор между теткой и отцом, поняла, что не ошиблась в своих предположениях. Она как раз примостилась на подставке для ног и смотрела в окно, когда из соседней комнаты донеслись приглушенные голоса, и тетка назвала ее имя.

Девочка встала, с опаской обходя мебель, подкралась к двери, приложила к ней ухо и буквально через минуту поняла, что тетушка Корнелия, преподававшая этикет в школе для девушек из состоятельных семей, в ужасе от манер своей племянницы, Шерридан Бромлей, и устроила по этому поводу Патрику настоящий скандал.

– Тебя следовало бы высечь за то, что ты так воспитал ребенка! – орала тетка Корнелия, и оставалось лишь удивляться, что отец, который ни от кого не потерпел бы подобных оскорблений, молчал, будто набрав в рот воды.

– Она не умеет ни читать, ни писать, – распекала отца тетушка, – на мой вопрос, знает ли она основные молитвы, ответила, что не может долго стоять на коленях. Мало того, заявила, что Боженька любит тех, кто молится, потрясая Библией, не больше, чем проститутток, совращающих мужчин с пути истинного.

– Ладно тебе, Корнелия... – заговорил наконец папа, и Шерри уловила в его тоне тщательно скрываемую ухмылку. От тетушки это тоже не ускользнуло, и тут она вошла в раж, превратившись в сущего дьявола, как сказал бы Рафи.

– Я не поддамся твоему фальшивому обаянию, ты, мошенник. Достаточно и того, что ты обманул мою сестру. Ты таскал нас за собой по всему миру, рассказывая сказки о райской жизни в Америке. Никогда себе не прощу, что отпустила ее и сама за вами поехала. Но искорверкать жизнь ее единственной дочери я тебе не позволю! Девочка почти невеста, но в ней нет ничего женского. Настоящий мальчишка! Всю жизнь носит брюки и сапоги. Лицо загорелое, обветренное, как у дикарки. А чертыхается, будто язычница! Что за манеры, что за речь! Волосы торчат во все стороны. Ни с того ни с сего сообщила мне, что выходить замуж ей пока неохота, но «объект» уже есть, некий Рафаэль Бенавенте, и скорее всего в один прекрасный день она попросит его на ней жениться. Эта юная леди, если вообще ее можно назвать так, не стесняясь, говорит о том, что намерена сделать предложение мужчине, да еще какому! Бродяге-испанцу, знающему все на свете, как она с гордостью заявила, даже способы мошенничества в карточной игре!

А теперь, – заключила тетушка Корнелия торжествующим тоном, – попробуй-ка оправдаться!

Шерри, затаив дыхание и улыбаясь, ждала достойной отповеди отца этой отвратительной женщине с кислым выражением лица, которая втерлась к ней в доверие, все выпытала и использовала против нее же.

– Шерри не ругается! – с плохо сдерживаемой яростью возразил отец.

Однако Корнелия несколько не испугалась, как это бывало с другими, когда Патрик Бромлей выходил из себя.

– Не ругается! – выпалила она. – Не далее как нынче утром ушибла локоть и выругалась на двух языках! Я слышала!

– В самом деле? – ехидно процедил сквозь зубы Патрик. – И ты поняла?

– Я достаточно владею латынью, чтобы понять, что «Dios mio!» – это богохульство.

– Ошибаешься! Это всего лишь означает «Боже мой», – возразил Патрик, и тут Шерри по его тону определила, что он оправдывается. – Видимо, это были слова одной из молитв, о которых ты так печешься!

Шерри заглянула в замочную скважину и увидела, что отец покраснел то ли от смущения, то ли от злости и сжал кулаки, зато тетя Корнелия стояла перед ним, холодная и неподвижная, как каменная статуя.

– Твои слова – лишнее подтверждение тому, как мало ты знаешь о молитвах и о своей единственной дочери, – презрительно парировала Корнелия. – Меня мороз подирает по коже при мысли о том, с какими людьми ты позволял ей общаться. С карточными шулерами, сквернословами и пьяницами. И тебя несколько не смущало, что они видят твою дочь в столь непристойном виде. Одному Богу известно, какие чувства она в них пробуждала со своими нечесаными рыжими волосами, как гулящая девка. Один индеец чего стоит! Ее любимый друг, этот дикарь, который спит с собаками.

Еще за минуту до того, как тетя упомянула индейца, Шерри услышала, как отец заскрежетал зубами от ярости, и со страхом и в то же время с надеждой подумала, что вот сейчас он поставит этой противной тете Корнелии синяк под глазом за то, что она говорит такие гадости. Но вместо этого он обрушил на тетку поток колкостей и оскорблений.

– Ты ехидная, злая старая дева, Корнелия, всех мужчин считаешь скотами, которые только и знают, что волочатся за каждой юбкой. Но все дело в том, что ни один из них даже не плюнул в твою сторону. За это ты их и ненавидишь! Скажу тебе больше. – От волнения отец сейчас говорил с сильным ирландским акцентом. – Шерри скоро четырнадцать, но она так же непорочна и плоскогруда, как ты! Так что, милая Нелли, – теперь настала его очередь торжествовать, – бедняжка Шерри по всем показателям твоя точная копия. А на тебя никакой мужик не клюнет, если даже выпьет все запасы спиртного на свете, поэтому о Шерри нам нечего беспокоиться.

Из всей тирады отца Шеридан поняла лишь, что ехидная, злая старая дева получила по заслугам и едва не закричала от радости, но вовремя прикрыла рот рукой. Однако тетку Корнелию, как оказалось, не так-то легко пронять оскорблениями. Она вздернула подбородок и, сверля зятя глазами, парировала все с тем же презрением:

– Насколько я помню, Патрик, тебе выпивка не требовалась! Не так ли?

Шерри ничего не поняла, отец, как ей показалось, тоже пришел в замешательство, потом в ярость и вдруг... успокоился.

– Молодец, Корнелия, – уже мягко сказал он. – Сейчас в тебе говорит старшая дочь эсквайра Фарадея. Я уже не помню, какой ты была, но ты не забыла, верно? – От гнева отца и следа не осталось, когда он оглядел маленькую убогую комнатку, и, сокрушенно покачивая головой, с жалостью улыбнулся. – Не важно, что твой дом величиной с клозет в особняке Фарадеев, что ты едва сводишь концы с концами, обучая чужих детей хорошим манерам, главное, что ты осталась дочерью эсквайра Фарадея, гордой и надменной.

– Тогда ты, может быть, вспомнишь, – уже спокойнее сказала тетушка Корнелия, не собираясь, однако, сдаваться, – что мать Шеридан была моей единственной сестрой. И если бы она увидела, Патрик, во что ты превратил ее дочь, в какое посмешище, поверь, она пришла бы в неопишимый ужас. Впрочем, нет, стала бы стыдиться ее.

Шеридан замерла. «Стыдиться своей дочери? Но это невозможно! Мама любила меня». И перед глазами Шерри одна за другой промелькнули картины их жизни с мамой на ферме... Они собираются ужинать, мама с аккуратным уложенным на затылке пучком надевает белый накрахмаленный фартук и накрывает на стол, мама расчесывает Шерри волосы до тех пор, пока они не начинают трещать, мама придвигается поближе к свету и кроит Шерри нарядное платье из купленных по случаю обрезков кружев и хлопчатобумажной ткани.

Вспомнив о том, какой аккуратной была всегда ее мама, Шеридан широко раскинула руки и осмотрела себя. Мужские сапоги, потертые и пыльные: Шерри не любила возиться со шнурками; брюки из оленьей кожи все в пятнах и совсем ветхие на седалище. Их поддерживает сделанный индейцем широкий пояс с бахромой, который в то же время прикрывает куртку. Было чего стыдиться...

Шерри обернулась на маленькое зеркальце над умывальником, подошла поближе, чтобы взглянуть на свое лицо и волосы, и, невольно попятившись, остановилась как вкопанная. Затем поморгала и тряхнула головой, словно хотела прогнать наваждение. Постояв минутку в полной растерянности, Шерри попыталась привести в порядок копну своих длинных рыжих волос, по выражению тети, как у гулящей девицы. Но распутать их было невозможно. Тогда она попробовала пригладить их хотя бы с боков, но ничего не получалось; непромытые слежавшиеся пряди спружинили и заняли свое прежнее положение. Да, она ни капельки не похожа на свою мать. И не только. Она вообще не похожа на особу женского пола. Но до настоящего момента ее это нисколько не волновало.

В кого, сказала тетя Корнелия, она превратилась? В посмешище? Да, да, именно так она и сказала.

И тут Шеридан вспомнила, что в последнее время на нее как-то странно поглядывают, особенно мужчины. С вождением? Отец просто не заметил, что у нее уже бугорками набухли груди, которые Шерри не удавалось скрыть даже под плотно застегнутой курткой.

Еще тетя сказала, что она, как гулящая девка. Гулящая? Шеридан сдвинула брови, пытаясь вспомнить, когда и при каких обстоятельствах она слышала эти слова. Кажется, гулящая – это что-то вроде проститутки... Шлюхи. Ага, значит, гулящая шлюха! Так вот на кого похожа Шеридан! К горлу девочки подступил ком. Тетя Корнелия права. Во всем права. Но хуже всего то, что мама стала бы ее стыдиться.

Шеридан так и стояла, не в силах сдвинуться с места. И вдруг услышала, что тетя хочет оставить ее у себя, в приличном доме, и дать ей надлежащее воспитание, а отец протестует, но как-то неуверенно. Как только голоса в соседней комнате смолкли, Шерри бросилась к двери и с шумом распахнула ее, зацепившись за дурацкую подставку для ног.

– Нет, папа, не соглашайся! Не оставляй меня здесь! Пожалуйста!

Видя, что тетка загнала отца в угол и он в полном изнеможении, Шеридан прижалась к нему и обвила его шею руками.

– Пожалуйста, я надену женские ботинки, расчешу волосы, сделаю все, что ты хочешь, только не оставляй меня здесь.

– Не надо так, дорогая, – проронил он, и девочка поняла, что вопрос не подлежит обсуждению.

– Я хочу быть с тобой, Рафи и Спящей Собакой! Только с вами, что бы она тут ни говорила!

Шеридан, как заведенная, повторяла эти слова и на следующее утро, когда отец уезжал.

– Ты и оглянуться не успеешь, как я за тобой приеду, – сказал он уверенно. – У Рафи есть неплохая задумка. Мы заработаем кучу денег и все вместе приедем за тобой через год, ну самое большее – через два. К тому времени ты будешь уже совсем взрослой. Мы отправимся в Шервинз-Глен, и я построю там великолепный дом, как и обещал тебе, радость моя. Вот увидишь.

– Мне не нужен великолепный дом, – плакала навзрыд Шеридан, переводя взгляд со Спящей Собаки на Рафи, мрачного и красивого, и снова на индейца, стоявшего с бесстрастным лицом. – Мне нужны только ты, Рафи и Спящая Собака!

– Говорю же тебе, Шерри, не успеешь оглянуться, как я вернусь, – твердил отец, будто не слышал ее рыданий, глядя на нее со своей теплой улыбкой, перед которой не могла устоять ни одна женщина. И на прощание, чтобы утешить ее, добавил: – Ты только представь, как будет

поражен Рафи, когда увидит перед собой прекрасную молодую леди... в юбке... обученную разным там... премудростям.

Не успела Шеридан и рта раскрыть, как он высвободился из ее цепких рук, надел шляпу и, отступив на шаг, посмотрел на Корнелию.

– Деньги буду высылать при первой же возможности.

Корнелия молча кивнула с видом королевы, принимающей подаяние от простолюдина, но это нисколько не обидело Патрика.

– Кто знает, – сказал он с лукавой улыбкой, – может, мы тебя увезем в Англию. Будешь жить под носом у эсквайра Фарадея и вести хозяйство в доме, куда большем, чем у него? Неплохо, а? Помню, в гостиной постоянно толпились твои поклонники, но ни один из них, – с насмешливой улыбкой добавил Патрик, – не был достоин тебя. Не правда ли, Нелли? Может, с возрастом они стали лучше?

Шеридан, боясь зареветь, как маленькая, во все глаза смотрела на отца, лишь пожимавшего плечами в ответ на суровое молчание тети. Но вот он крепко обнял Шерри.

– Пиши мне! – В голосе девочки звучала мольба.

– Обязательно.

Отец уехал. И тогда Шерри медленно повернулась и посмотрела на женщину с бесстрастным лицом, разбившую ей жизнь, свою единственную родственницу. Ее серые глаза наполнились слезами, и она очень спокойно и очень четко произнесла:

– Как бы я хотела... чтобы мы сюда никогда не приезжали, чтобы я никогда тебя не видела! Я тебя ненавижу.

Вместо того чтобы дать Шерри вполне заслуженную оплеуху, тетя Корнелия, презрительно глядя ей прямо в глаза, сказала:

– Других слов я от тебя и не ждала, Шеридан. И ты возненавидишь меня еще больше, пока я буду идти к своей цели. Я же никакой ненависти к тебе не питаю. А сейчас, прежде чем начать наши уроки, давай попьем чайку.

– Чай я тоже ненавижу, – сообщила Шеридан, вздернув подбородок и так же презрительно глядя на тетку. Как же они были сейчас похожи! От Корнелии это не ускользнуло, однако Шеридан подобное и в голову не могло прийти.

– Такой взгляд, дитя мое, я сама давным-давно отработала, и он на меня не действует. В Англии он сослужил бы тебе хорошую службу, будь ты признанной внучкой эсквайра Фарадея. Но здесь, в Америке, никому нет дела до родственников высокомерного эсквайра. Здесь мы – нищие, которые всячески скрывают свою нищету. Здесь я учу этикету детей, чьих родителей раньше и не заметила бы, и даже считаю, что мне повезло с работой. Я не устаю благодарить Господа за то, что у меня есть уютный домик, и не оглядываюсь на прошлое. Фарадеи никогда не жалуются на судьбу, не ропшут. Запомни это. Я тоже не жалуюсь. Напротив. Мне не надо теперь никому угождать. По утрам я спокойно просыпаюсь и не жду очередных неприятностей. Веду нормальную, достойную жизнь.

Закончив эту тираду, Корнелия отступила на шаг и, криво усмехнувшись, смирила взглядом племянницу, неподвижно стоявшую перед ней.

– Дорогая моя! Если хочешь чего-то добиться, не смотри на меня высокомерно, не задирай нос, держи себя скромнее. Именно так я поступила бы на твоем месте.

Не будь Шерри так тоскливо и горько, она рассмеялась бы. Со временем она опять научилась смеяться – так же, как научилась латыни и светским манерам. Тетя упорно шла к своей цели. Она обучала Шеридан всему, что знала сама. И вскоре девочка поняла, что ее суровая, педантичная тетя заботится о своей непутевой племяннице и даже любит ее по-своему. Обида постепенно прошла, и Шеридан преуспевала в учебе. Скуку и монотонность ее новой жизни, из которой исчезли дикие скачки верхом, конь в яблоках и веселье под звездным небом, скрашивало чтение. Здесь запрещалось даже переглянуться с мужчиной, а заговорить с незнакомцем

считалось почти преступлением. Петъ разрешалось только в церкви, и безвозмездно. Нелегко было Шеридан после бурной, полной приключений жизни вести столь унылое существование. Учиться наливать чай, держа чайник под определенным углом, класть на надлежащее место вилку и нож после еды. Однако тетушка постоянно твердила: «Манеры в нашем положении – единственное, чем мы можем гордиться».

Шеридан в этом убедилась, когда ей исполнилось семнадцать лет и тетя пригласила в гости миссис Эдли Рейберн, директрису школы, в которой преподавала. Облаченная в скромное коричневое платье, с уложенными в аккуратный пучок волосами, скрепленными наколкой, собственноручно вышитой Шеридан, девушка была представлена почетной гостье. Та на мгновение задержала взгляд на лице и прическе Шеридан, что с недавних пор вошло в привычку у горожан. Еще несколько лет назад юная Шерри, непосредственная и к тому же плохо воспитанная, либо смущенно потупилась бы, либо надвинула на глаза шляпу, либо вызывающе спросила, с какой стати миссис директриса на нее пялится.

Но Шеридан теперь повзрослела и стала совсем другой. Она понимала, что сидит на шее у тети, и готова была на все, лишь бы зарабатывать себе на жизнь, и не только ради тети, и не только в данный момент, но ради себя самой и на все время.

В деревне голод и нищета не ощущались так остро, как в городе. Однако Шеридан не собиралась возвращаться в деревню. Уже два года от отца не было писем, хотя первое время он писал ей довольно часто. Конечно же, он не забыл ее, в этом Шеридан не сомневалась, но мало ли что могло за это время случиться. О самом плохом, что отца нет в живых, она даже думать не хотела. Сама мысль об этом была невыносима. Поэтому ей оставалось лишь надеяться, что в один прекрасный день отец и Рафи приедут за ней, а пока найти способ как-то устроиться в этой жизни.

Ее размышления прервала миссис Рейберн, которая церемонно сказала:

– Я слышала от вашей тети весьма лестные отзывы о вас, мисс Бромлей.

И Шеридан Бромлей, которая в свое время пришла бы от таких слов в замешательство и подбочившись ответила, что не понимает, с чего бы это, протянула гостье руку и в тон ей произнесла:

– А я о вас, миссис Рейберн.

И сейчас, в каюте «Утренней звезды», Шеридан вдруг с ужасом осознала, что, возможно, никогда больше не увидится ни с тетушкой Корнелией, ни с маленькими девочками, своими ученицами, ни с ее коллегами учительницами, с которыми успела подружиться, которые приходили к ней по субботам на чашку чая, веселые, улыбающиеся. Никогда не увидится с отцом и Рафи.

При мысли об отце в горле пересохло, слезы обожгли глаза. Она представила себе, как наконец он войдет в дом тети Корнелии, горя желанием увидеть свою Шерри и объяснить причину столь долгого молчания, и не застанет ее дома... Теперь ей даже не удастся хоть что-нибудь узнать о его судьбе...

Шерри закрыла глаза и как живых увидела перед собой Рафи, Спящую Собаку и отца в гостиной тетушки. И во всем виновата она. Никто не заставлял ее сопровождать Чариз в Англию. И дело было не только в деньгах. Конечно же, нет. Она даже во сне видела Англию с того самого дня, как начала увлекаться романами. Они пробудили в ней желание путешествовать и предаваться мечтам, и она ничего не могла с этим поделать, даже с помощью тетушки.

Но такого поистине невероятного приключения, какое произошло с ней, она и в дурном сне не видела. Вместо того чтобы находиться в классной комнате со своими маленькими ученицами, восторженно внимавшими ей, что бы она ни делала – читала ли им, учила ли их красивой походке, – она оказалась в ловушке в чужой, недружественной стране, совершенно бесправная, напрочь утратив свое блестящее остроумие и холодное мужество, которыми так гордилась. Предстоящая встреча с аристократом, защищенным, по словам Мэг, британскими законами,

не сулила ничего хорошего. Стоит ему узнать о случившемся, причем исключительно по ее вине, как месть не заставит себя ждать.

Шеридан буквально парализовал страх, и, не в силах преодолеть это столь ненавистное ей чувство, она задрожала при мысли о том, сколько горя причинила всем, кто верил ей и любил ее.

Всегда жизнерадостная, пышущая здоровьем, она сразу почувствовала себя слабой и обесцельной от отчаяния; голова пошла кругом, перед глазами все поплыло, и она схватилась за стул, чтобы не упасть. Потом через силу открыла глаза, набрала в легкие воздуха, поправила прическу, потянулась к плащу и ободряюще улыбнулась насмерть перепуганной горничной.

– Пора встретиться с этим ужасным бароном и узнать, что меня ждет, – сказала она, напустив на себя беззаботный вид и тут же, уже серьезно, добавила: – Оставайся здесь и постарайся никому не попадаться на глаза. Если через несколько часов я не вернусь, либо незаметно уйди, либо, что еще лучше, спрячься на судне. Может быть, тебя, к счастью, не обнаружат, а утром судно уже будет в море. Кто знает, не бросит ли нас барон в тюрьму. Зачем же обеим рисковать?

Глава 7

После относительной тишины и покоя в их крохотной, тускло освещенной каюте шум и суэта на залитой светом палубе казались настоящим кошмаром. Одни грузчики тащили по трапу чемоданы и корзины, другие навстречу им волокли коробки и ящики с провиантом на обратный путь. Над головой скрипели лебедки, они перебрасывали клетки с грузом через борт и опускали их на пирс. Шерри осторожно спускалась по трапу, высматривая в толпе мужчину, английского аристократа, по ее понятиям, худого, бледного, чопорного и напыщенного, со злым надменным лицом, облаченного в шелковые бриджи и увешанного побрякушками, чтобы произвести впечатление на свою невесту.

Вдруг она заметила на пирсе высокого загорелого мужчину, нетерпеливо похлопывавшего себя перчатками по бедрам, и мгновенно догадалась, что это и есть барон. Хотя вместо бриджей на нем были длинные темные панталоны и никаких украшений под раздуваемым ветром плащом, ни золотой цепочки от часов, ни золотой печати, весь его облик несомненно свидетельствовал о его высоком происхождении. Судя по квадратной челюсти, человек он был хладнокровный и волевой и весь, от широких плеч до самых носков сверкающих ботинок, излучал уверенность и силу. Он уже заметил Шеридан и, хмурясь, наблюдал за ее приближением. От страха душа у девушки ушла в пятки.

За два дня до прибытия судна в порт она еще надеялась как-то успокоить, умаслить и урезонить рассерженного жениха, но сейчас эта надежда развеялась в прах, стоило ей увидеть, как его густые темные брови сошлись на переносице, и она подумала, что легче смягчить камень, чем этого господина. Наверняка удивляется, почему нет его невесты, Чариз Ланкастер, а вместо нее к нему направляется она, Шеридан Бромлей. Сразу видно, как он взволнован.

На деле же Стивен вовсе не был взволнован, лишь удивлен. Он ожидал, судя по описанию дворецкого, увидеть совсем юную легкомысленную девицу с прыгающими кудряшками и розовыми щеками, всю в оборках и кружевах, а перед ним в мерцающем свете фонарей появилась бледная с серьезным выражением лица молодая женщина с высокими скулами, необычайно большими светлыми глазами, коричневыми бровями вразлет и длинными ресницами. Цвет волос определить было трудно, их скрывал капюшон. Никаких кружев и оборок, скромный, но очень удобный коричневый плащ, и когда Стивен протянул руку для пожатия, то невольно подумал о том, что Берлтон был либо помешанным, либо слепым, охарактеризовав свою невесту как прелестную малышку.

Несмотря на сдержанность, она выглядела такой напряженной и испуганной, словно предчувствовала эту ужасную беду, поэтому Стивен решил рассказать все сразу, без обиняков. Так, казалось ему, будет лучше для обоих.

– Мисс Ланкастер, – сказал он, мимоходом представившись, – очень сожалею, но произошел несчастный случай. – И, остро ощущая свою вину, мрачно добавил: – Вчера лорд Берлтон погиб.

С минуту она ошеломленно смотрела на него, не веря своим ушам.

– Погиб? Его здесь нет?

Стивен ожидал, что она по крайней мере разрыдается или же будет биться в истерику. Ему и в голову не могло прийти, что она холодно пожмет ему руку и с плохо скрываемым изумлением скажет:

– Как печально. Передайте, пожалуйста, мои соболезнования его семье, – после чего повернется и пойдет обратно.

– Мисс Ланкастер... – окликнул ее Стивен, только сейчас сообразив, что она просто в шоке. Но в это время с лебедки одним концом сорвалась грузовая клеть с упаковочными коробками и кто-то крикнул:

– Отойдите! Осторожно!

Увидев, какая опасность угрожает девушке, Стивен бросился ей на помощь, но не успел – от удара клетью Шеридан ничком упала на пирс. Стивен кликнул своих кучеров, склонился над девушкой и перевернул ее на спину. Она была без сознания, и из раны на голове текла кровь.

Глава 8

– Ну как наша пациентка? – спросил доктор Уайткомб, когда дворецкий Уэстморленда ввел его в кабинет графа. Несмотря на бодрый тон, доктор не питал никаких иллюзий относительно ее шансов на выздоровление, впрочем, как и сам Стивен Уэстморленд, который сидел у камина, облокотившись о колени и обхватив голову руками.

– Ничего утешительного, – сказал граф, устало проведя рукой по лицу, прежде чем поднять глаза на врача. – Ни разу не шевельнулась. Горничным приказано все время разговаривать с ней, как вы рекомендовали. Я и сам пробовал, но она не реагирует. Уже третий день в таком состоянии, – дрогнувшим голосом произнес Стивен. – Неужели ничего нельзя сделать?

Доктор оторвал взгляд от измученного лица графа, хотел посоветовать ему отдохнуть, но счел это бесполезным и сказал:

– Я сделал все, что мог, теперь – что Бог даст. Поднимусь, однако, наверх, погляжу на нее.

– Думаю, это бесполезно, – бросил ему вслед его милость.

Оставив без внимания эту вспышку гнева, Хью Уайткомб поднялся по парадной лестнице и повернул налево.

Когда через некоторое время доктор вернулся в кабинет, граф сидел в той же позе, зато сам доктор заметно повеселел.

– А не зря я сходил, видимо, у меня голос приятнее, чем у горничных.

Стивен вскинул голову и впился взглядом в лицо врача.

– Вы хотите сказать, что она пришла в себя?

– Да, к ней вернулось сознание, хотя сейчас она снова уснула. Она даже сказала мне несколько слов. Еще вчера ее шансы равнялись нулю, но сегодня появилась надежда, что она выкарабкается, учитывая ее молодость и здоровье. Зато вы, милорд, похожи на призрака, – глядя на измученное, заросшее лицо Стивена, продолжал доктор с фамильярностью, на правах старого друга семьи. – После ужина, если вы, разумеется, пригласите меня к столу, мы могли бы вместе навестить нашу больную, но чтобы она снова не потеряла сознания от вашего вида, вам просто необходимо немного поспать и хорошенько побриться.

– Но мне совсем не хочется спать, – энергично запротестовал Стивен, решительно направился к столу с серебряным подносом и вытащил пробку из стоявшего на нем хрустального графина. – А вот побриться мне действительно необходимо, – сказал он с легкой улыбкой, наполнив два бокала бренди и протягивая один врачу. – За ваше искусство, которое поможет ей выздороветь! – торжественно произнес он, подняв бокал.

– Мое искусство тут ни при чем, скорее это – чудо, – ответил доктор, даже не пригубив бокал.

– В таком случае – за чудесное исцеление. – Стивен поднес бокал ко рту, но не сделал и глотка, потому что Уайткомб отверг и второй тост.

– Я... не говорил, что она поправляется, Стивен, – возразил доктор, покачав головой. – Я лишь сказал, что к ней вернулось сознание и она в состоянии разговаривать.

Уловив сомнение в голосе Уайткомба, Стивен пристально посмотрел на него, и доктор, вздохнув, пояснил:

– Я хотел поговорить с вами после того, как вы отдохнете, но раз вы настаиваете... дело в том, что если даже она и выздоровеет, чего я пока обещать не могу, остается еще одна проблема. Осложнение. Возможно, это явление временное. Но кто знает!

– Какого черта вы тянете!

– Стивен, у нее амнезия.

– Что-что?!

– Она ничего не помнит. Не знает, кто она и как очутилась в Англии. Даже свое имя забыла.

Глава 9

Взявшись за узорчатую медную ручку двери, доктор Уайткомб помедлил, прежде чем войти к своей пациентке, повернулся к Стивену и, понизив голос, дал последние указания:

– Ранения головы характерны непредсказуемыми последствиями. Пусть вас не тревожит, если она не вспомнит, что разговаривала со мной в это утро. В то же время не исключено, что память у нее полностью восстановилась. Вчера я беседовал с коллегой, специалистом по черепно-мозговым травмам, и мы пришли к заключению, что лауданум следует отменить, какой бы сильной ни была головная боль. Это обезболивающее дает снотворный эффект, а нашей пациентке необходимо бодрствовать и разговаривать.

Стивен кивнул, и Уайткомб продолжал:

– Утром она очень разволновалась из-за того, что не могла ничего вспомнить, так что ни при каких обстоятельствах не говорите и не делайте ничего, что могло бы усилить волнение. Постарайтесь успокоить ее и отдайте соответствующие распоряжения слугам. Как я уже говорил, черепные травмы очень опасны и приводят к самым неожиданным последствиям, а мы не хотим ее потерять. – Высказав все, что считал нужным, доктор наконец повернул ручку.

Шеридан почувствовала, что кто-то вошел в затемненную комнату, где она то засыпала, то просыпалась и плыла среди тумана, не испытывая ни волнения, ни страха, лишь какое-то смятение. Это блаженное состояние давало ей желанный покой и уводило прочь от всех сомнений, таившихся где-то в самой глубине сознания.

– Мисс Ланкастер! – Голос прозвучал у самого уха, добрый, но настойчивый и как будто знакомый. – Мисс Ланкастер.

Да, кто-то обращается к ней. Девушка с трудом открыла глаза и заморгала, пытаясь рассмотреть говорившего, но перед глазами все расплывалось.

– Мисс Ланкастер.

Она снова поморгала и разглядела наконец двух мужчин. Седовласого, с виду доброго и спокойного, как и его голос, и второго, гораздо моложе, не такого добродушного и спокойного, скорее, растерянного и встревоженного.

Тот, что постарше, с улыбкой спросил:

– Вы помните меня, мисс Ланкастер?

Шеридан хотела кивнуть, но тут ее пронзила такая боль, что на глаза навернулись слезы.

– Мисс Ланкастер, вы помните меня? Знаете, кто я?

– Доктор. – Губы ее пересохли и потрескались, но произнесенное слово как будто не причинило боли, и, осознав это, она решила выяснить все, что ее мучило. – Где я?

– В безопасном месте.

– Где? – настаивала она.

– В Англии. Вы прибыли сюда из Америки.

Это обстоятельство почему-то обеспокоило ее.

– Зачем?

Мужчины переглянулись.

– Скоро вы вспомните, – сказал доктор, – а пока постарайтесь не волноваться.

– Но я... хочу знать. – Голос ее сел от чрезмерных усилий.

– Хорошо, дитя мое. – Он похлопал Шеридан по руке, подумал секунду и весело сообщил: – Вы приехали к своему жениху.

Жених. Значит, она обручена... с тем мужчиной, что помоложе. Неспроста он так обеспокоен ее здоровьем. И она ободряюще улыбнулась графу, но тот не заметил, потому что в этот момент вопросительно смотрел на доктора, предостерегающе качавшего головой. Эта немая сцена взволновала Шеридан. Она не помнила, как попала сюда, не имела понятия, где нахо-

дится. Зато, как ни странно, твердо знала, что должна извиниться за доставленные хлопоты, так крепко засели у нее в мозгу правила хорошего тона. И, поддавшись внезапному порыву, Шерри сказала:

– Простите меня!

Граф вздрогнул, будто ее слова причинили ему боль, и тут она услышала его голос, как ей показалось впервые, – глубокий, уверенный и такой успокаивающий.

– Простить? За что? Все будет в порядке. Вам просто необходимо отдохнуть и набраться терпения.

Говорить становилось все труднее, и Шерри закрыла глаза, но тут почувствовала, что мужчины собираются уходить.

– Подождите... – вырвалось у нее.

Страх снова остаться одной, погрузиться в черную бездну и навсегда там остаться заставил ее посмотреть на обоих мужчин и остановить взгляд на графе. Из них двоих он был моложе, энергичнее и мог защитить ее от демонов тьмы, если они снова явятся мучить ее.

– Останьтесь, – из последних сил молила она, – пожалуйста.

Заметив, что граф заколебался и вопросительно посмотрел на доктора, Шеридан облизнула губы и буквально выдохнула одно-единственное слово, вложив в него обуревавшие ее мысли и чувства:

– Боюсь.

Ее веки, будто налитые свинцом, опустились на глаза, скрыв от нее все живое. Девушку охватила паника, она задыхалась... Потом догадалась по звуку, что к ее кровати придвинули тяжелое кресло.

– Вам не о чем беспокоиться, – сказал жених.

Шеридан шевельнула рукой так, словно искала опоры, и ощутила, как длинные мужские пальцы нежно и в то же время крепко пожали ее ладонь.

– Ненавижу... страх, – едва слышно произнесла она.

– Я не оставлю вас. Обещаю.

Его большая сильная рука, глубокий голос и обещание не оставлять ее одну наполнили душу Шеридан таким спокойствием, что вскоре она погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Глядя на спящую Шеридан, Стивен все острее ощущал свою вину. И страх. Страх за эту бледную, с обмотанной бинтами головой девушку.

Боже мой! Какой маленькой и беззащитной она казалась на широкой постели, среди множества подушек и одеял.

И она еще просила прощения! А ведь главный виновник ее несчастий – он! Мало того что из-за него погиб ее жених, она сама едва не разделила его участь. И тоже из-за него, Стивена. Угораздило же его расположиться прямо под лебедкой, хотя он знал, как это опасно. И не кто иной, как он, не обратил внимания на предостерегающий окрик грузчика. А до этого он ошарашил ее ужасной новостью, разрушившей все ее надежды, вместо того чтобы сделать это в более деликатной форме. Неудивительно, что убитая горем девушка не заметила нависшей над ней опасности. В общем, он кругом виноват. И если, не приведет Бог, она умрет, он, не выдержав угрызений совести, последует за ней. Он и так не находил себе места, днем и ночью думая о ее женихе.

Дыхание девушки вдруг стало неровным, и сердце его сжалось, но вскоре она задышала ровнее, и Стивен вздохнул с облегчением, бросив взгляд на ее ладошку у него в руке. Длинные изящные пальцы с коротко подстриженными ногтями – руки аристократки, но не белоручки, а молодой леди, которая любит порядок и комфорт. Не будь Стивен в полном изнеможении, он наверняка улыбнулся бы, глядя на ее мягкие, полные губы, на невероятно длинные, густые, загнутые на концах ресницы, похожие на два полумесяца, почти касавшиеся щек. Он не знал,

какого цвета у нее волосы и глаза, но скулы ее отличались изяществом, а кожа цвета слоновой кости была почти прозрачной.

Все черты ее лица отличались женственностью, только подбородок был волевым и свидетельствовал о твердости характера. Впрочем, нет, подумал Стивен, скорее о мужестве. Ведь она не рыдала ни от боли, ни от страха, лишь сказала, что ненавидит страх, а значит, полна решимости преодолеть его.

Она не только смелая, но и добрая. Извинилась за доставленные хлопоты. Мужество и доброта редко сочетаются в женщине, тем более такой молоденькой.

И легко ранимой, подумал он, снова запаниковав, когда она опять задышала часто и неровно. Он сжал ее руку, и видя, что она не может вздохнуть, стал сам задыхаться. Боже! Она умирает!

– Не умирай! – шептал он в исступлении. – Не надо!

Глава 10

Когда Шеридан снова открыла глаза, сквозь зеленые шторы пробивался солнечный свет. Ее жених сидел в кресле у кровати и сладко спал. Ночью он снял сюртук и шейный платок, расстегнул ворот и заснул, уронив голову на скрещенные руки и все еще не выпуская ее ладони. Лицо его было обращено к ней, и Шерри осторожно повернула голову, радуясь, что это легкое движение не отозвалось болью в мозгу.

Еще не окончательно придя в себя после глубокого сна, она рассматривала своего будущего мужа. Лицо его сильно загорело, видимо, от постоянного пребывания на воздухе, густые темно-каштановые волосы были красиво подстрижены и по бокам чуть-чуть касались ворота рубашки. Во сне они растрепались и вместе с длинными черными ресницами, почти доставшими до щек, делали его похожим на мальчишку. В остальном же это был зрелый мужчина, что вызвало в Шеридан восторг, смешанный с безотчетной тревогой.

На квадратной челюсти пробивалась темная щетина, выражение лица даже во сне оставалось решительным и жестким, прямые черные брови сошлись на переносице, придавая ему грозный вид. Тонкая белая рубашка плотно облегла мощные плечи и мускулистые руки. Из расстегнутого ворота виднелись завитки черных волос. Ни в его лице, ни в фигуре не было ни одной мягкой линии, казалось, он весь состоял из углов, начиная от тонко очерченного носа и кончая квадратной челюстью и тонкими пальцами.

Тщательным образом изучив жениха, Шерри пришла к выводу, что человек он суровый и бескомпромиссный.

И красивый.

Господи, до чего же красивый! Наконец она оторвала взгляд от его лица, огляделась, и глаза ее округлились от удивления. Какая же ее окружала роскошь! Стены и окна были задрапированы зеленым шелком, такой же шелк волнами ниспадал с балдахина, украшенного золотистыми шнурами и кистями. Даже камин в дальнем конце комнаты был из чудесного зеленого мрамора, инкрустированного золотыми птицами по углам, с узорчатыми медными креплениями. Перед камином стояли друг против друга две причудливо изогнутые софы, обитые бледно-зеленым муаром и разделенные низким овальным столиком.

Шеридан снова бросила взгляд на мужчину, чья голова покоилась у ее бедра, и почувствовала прилив бодрости. Ей здорово повезло, ибо жених не только поразительно красив, но и сказочно богат. К тому же обожает ее. Иначе не провел бы у ее постели всю ночь, не выпуская ее руки, в такой неудобной позе. Какое-то время он, видимо, ухаживал за ней, потом предложил ей руку и сердце. Она крепко зажмурилась, пытаясь вспомнить хоть что-то из своего прошлого. Любовь такого мужчины просто невозможно забыть, говорила себе Шерри, стараясь не поддаться охватившей ее панике, вызвавшей легкое головокружение. Она должна вспомнить хотя бы те слова, которые обычно говорит каждый мужчина, делая предложение. Например: «Не окажете ли вы мне честь стать моей женой, мисс?..» Мисс?.. Кто она?

«Успокойся! – в полном отчаянии зывала к самой себе Шеридан. – Думай о другом... О том, что он говорил в порыве нежной страсти». Она не замечала, что дыхание ее участилось, а ногти впились в его ладонь. Хоть бы что-нибудь вспомнить! Какие-то подробности их встреч! Наверняка он вел себя с ней, как и подобает джентльмену. Дарил цветы, восхищался ее умом и красотой. Чтобы покорить сердце такого мужчины, она и не могла быть другой...

Однако сейчас в голову ей не приходила ни одна умная фраза.

Ей стоило огромного труда сохранять спокойствие. Когда она попыталась представить себе свое лицо... Лицо...

У нее нет лица.

Нет лица!

Тут она пришла в неопиcуемый ужас. И было отчего. Она не помнит ни своего, ни его имени. Не помнит собственного лица. Между тем пальцы Стивена, будто взятые в тиски, онемели, однако высвободить их ему не удалось. Поднять веки настолько, чтобы увидеть, кто с такой силой сжал его руку, он после трех бессонных ночей был просто не в состоянии. Зато сумел разглядеть лежавшую рядом женщину. Столь обычная ситуация не могла пробудить его от глубокого сна. Он лишь слегка повертел рукой и готов был снова уснуть, однако помешало укоренившееся в нем с самого детства галантное отношение к прекрасному полу. И поскольку женщина была сильно взволнована, он, прежде чем снова погрузиться в сон, вежливо спросил:

– Что случилось?

– Я не знаю, какое у меня лицо, – ответила она дрогнувшим голосом.

Стивен встречал женщин, буквально помешанных на своей внешности, но подобное заявление в полумраке будуара показалось ему забавным. Поэтому он даже не считал нужным открыть глаза, когда она изо всех сил сжала его руку и с мольбой в голосе спросила:

– Какое у меня лицо?

– Восхитительное, – совершенно бесстрастно ответил он.

Только сейчас Стивен понял, что она лежит в постели, а он сидит в кресле, и уже хотел попросить ее подвинуться, когда услышал приглушенные рыдания, и раздраженно отвернулся, не понимая, чем они вызваны. Надо будет сказать Уитону, чтобы прислал ей какую-нибудь симпатичную вещицу – рубиновую брошь или что-либо в этом роде, и таким образом искупить свою вину. Ради дорогого подарка женщина готова пролить море слез. Между тем она никак не могла успокоиться, судорожно вздыхала, ее била дрожь. Да, брошью не обойдешься, придется раскошелиться на бриллиантовое кольцо. Из-за того, что он не заметил ее нового платья или отказался сводить ее в театр, нарушив договоренность, такую истерику не закатывают. Видимо, он здорово ее обидел. И словно в подтверждение этой мысли по всему ее телу пробежала судорога, которую не могли скрыть даже одеяла. Похоже, придется добавить к кольцу еще и браслет с бриллиантами.

Вконец измученный, граф погрузился в блаженный сон, но откуда-то из самой глубины сознания доносились слова, тревожащие душу: «Я не знаю, какое у меня лицо... не знаю... не знаю».

Стивен открыл глаза и увидел, что она лежит спиной к нему, прикрывая рукой рот, чтобы заглушить рыдания. Сквозь смеженные веки с длинных ресниц на бледные щеки капали слезы. Она плакала навзрыд, но была в полном сознании, и облегчение, которое он испытал, перевесило чувство вины.

– Извините, но со сна я не совсем понял ваш вопрос, – быстро проговорил он.

На какое-то мгновение девушка замерла, и он видел, каких огромных усилий стоило ей овладеть собой. Наконец она повернулась и посмотрела на него.

– Что случилось? – спросил он как мог мягко и ласково.

Шеридан сглотнула, поразившись тому, что он заметно повеселел, хотя все еще выглядел усталым. Какая же она дура! Он ужасно волнуется за нее и, должно быть, не один день, а она, неблагодарная, ревет, как малое дитя, из-за каких-то временных трудностей. Все это, конечно, неприятно, даже внушает беспокойство, но ведь она, слава Богу, не парализована, не изувечена, не умирает. И чтобы как-то выйти из этого неловкого положения, она коротко вздохнула и вновь улыбнулась.

– Я... может быть, это звучит нелепо, я не знаю, какое у меня лицо, и... – Она умолкла, не желая объяснять, как она напугана. – Конечно, это пустяки, но раз уж вы проснулись, не считите за труд, опишите мое лицо. Пожалуйста!

Стивен был тронут до глубины души. Сколько в ней мужества! Она старается побороть страх, чтобы успокоить его.

– Ваше лицо? – переспросил он, стараясь выиграть время. Он не знал, какого цвета у нее волосы, и, опасаясь, как бы она не попросила зеркало, попытался обратить все в шутку. – В данный момент ваши глаза опухли и покраснели, – улыбнулся он, мельком взглянув на нее, чтобы иметь дополнительную информацию, и не без удивления заключил: – но они... очень большие и серые.

Только сейчас он заметил, что глаза у нее поразительные, серебристо-серые, с тонким черным обрамлением, опущенные роскошными длинными ресницами.

– Серые? – разочарованно протянула Шеридан. – Я не в восторге.

– В данный момент они напоминают расплавленное серебро, потому что влажные.

– Что же, пожалуй, это не так уж плохо. Дальше!

– Щеки у вас бледные и мокрые от слез, но несмотря на это, личико довольно милое.

Самые противоречивые чувства обуревали Шеридан, ей хотелось и смеяться, и плакать. Неожиданно она улыбнулась. У Стивена отлегло от сердца, и в то же время он удивился.

– Сейчас, – уклонился он от прямого ответа, – ваши волосы скрыты под большим белым... гм... тюрбаном. Надевать на ночь тюрбан, как вам известно, крик моды. – В ту ужасную ночь на пирсе было почти темно, к тому же на голове у нее был капюшон, а потом волосы залило кровью из раны. Но судя по ресницам, волосы у нее были каштановые. И он решительно заявил: – Вы – шатенка. Темная шатенка.

– Что-то вы задержались с ответом.

Она внимательно и с любопытством наблюдала за ним, однако подозрений его поведение у нее не вызвало.

– Я порой бываю очень рассеян и многого не замечаю, – парировал он.

– Можно мне посмотреть в зеркало?

Мысль Стивена лихорадочно заработала. Какова будет ее реакция, когда она не узнает себя в зеркале. Не запаникует ли, увидев свою забинтованную голову и кровоподтек у виска. Лучше, чтобы в этом случае здесь находился доктор, который может прийти на помощь.

– В другой раз, – сказал он. – Возможно, завтра. Или когда снимут бинты.

Шеридан догадалась, что он боится, как бы она снова не стала рыдать от страха, и заговорила о тюрбанах:

– Думаю, тюрбаны весьма практичны. Они позволяют обходиться без щеток для волос, гребенок и прочего.

– Совершенно верно, – согласился Стивен, поражаясь ее благородству и мужеству в столь непростых обстоятельствах. Он был так рад, что она в состоянии разговаривать, и так тронут ее отношением к нему, что считал совершенно естественным и абсолютно правильным взять ее за руку, и, с улыбкой глядя в ее потрясающие серебристые глаза, ласково спросил:

– Как вы себя чувствуете? Вам очень больно?

– Немного побаливает голова, вот и все, – призналась она, улыбнувшись в ответ, что было вполне естественно и абсолютно правильно. – Не волнуйтесь, я чувствую себя гораздо лучше, чем выгляжу.

У нее был приятный нежный голос, прямой, открытый взгляд. Сначала она чисто по-женски беспокоилась о своей внешности, но сообщение о том, что выглядит не лучшим образом, восприняла как должное и даже стала шутить по этому поводу. И Стивен пришел к выводу, что ей чужды притворство и претенциозность, и в этом, а возможно, и во многом другом она как женщина уникальна.

К несчастью, вслед за этой мыслью пришла другая, изрядно испортившая ему настроение и заставившая выпустить ее руку. В его отношении к ней нет ничего естественного и правильного. Он не только не ее жених, но виновник гибели ее настоящего жениха. Правила приличия, уважение к памяти погибшего из-за него молодого человека, наконец, элементарная порядоч-

ность требуют, чтобы он держался подальше от этой девушки. И уж конечно, он не имеет ни малейшего права дотрагиваться до нее, даже думать о ней.

Чтобы завершить свидание с ней на оптимистической ноте, он встал, размял затекшие плечи и изрек:

– Итак, если охарактеризовать вашу внешность на данный момент, я бы сказал, что вы похожи на стильную мумию.

Шеридан улыбнулась, но вид у нее был совершенно измученный.

– Горничная принесет вам завтрак. Обещайте хоть немного поесть.

Она кивнула и, когда он собрался уходить, тихо произнесла:

– Благодарю вас.

– За что? – обернувшись, удивленно спросил он.

Она испытующе на него посмотрела, и он подумал, что со временем ей удастся заглянуть в его порочную душу. Но пока, видимо, она еще не разобралась в нем до конца, потому что на ее губах заиграла теплая улыбка.

– За то, что вы всю ночь оставались у моей постели.

От этих слов он еще острее почувствовал свою вину за все случившееся, за гнусный обман, за то, что она приняла его, заурядного негодяя, за отважного рыцаря.

Склонив голову в шутливом поклоне, он ободряюще улыбнулся ей и, чтобы она поняла, с кем имеет дело, сказал:

– Впервые в жизни красивая женщина благодарит меня за проведенную с ней ночь.

Она скорее смутилась, чем ужаснулась, но несмотря на это он испытал облегчение. Он не нуждался ни в отпущении грехов, ни в покаянии. Главное, что он поступил с этой девушкой честно и больше не чувствовал себя лжецом и обманщиком.

Направляясь по длинному коридору к своим покоям, Стивен впервые за долгое время ощутил подъем духа. Чариз Ланкастер идет на поправку. В этом нет никаких сомнений. Теперь наконец появилась возможность уведомить ее отца о несчастном случае и заверить его в том, что скоро его дочь будет на ногах. Прежде всего необходимо узнать его адрес. Это он поручит Мэтью Беннету и его людям. Они же и вручат послание.

Глава 11

Стивен поднял глаза от письма и кивнул направлявшемуся к нему светловолосому мужчине лет тридцати с лишним.

– Прошу прощения за то, что прервал ваш отпуск в Париже, – сказал он Мэтью Беннету, – но дело срочное, довольно деликатное и потому требует вашего личного участия.

– Счастлив буду сделать все, что в моих силах, милорд, – не задумываясь ответил поверенный и сел в предложенное ему кожаное кресло у письменного стола. Его нисколько не обидело даже то обстоятельство, что граф, прервавший столь необходимый Мэтью отдых, не собирается откладывать письмо, тем самым заставляя поверенного ждать. Уже несколько поколений семейство Мэтью имело честь выступать в качестве поверенных семейства Уэстморлендов, и Мэтью хорошо знал, что эта привилегия, а также огромные денежные вознаграждения были обусловлены обязательством быть под рукой, как только граф Лэнгфорд того пожелает.

Мэтью, хотя и был младшим компаньоном семейной фирмы, так поднаторел в делах Уэстморлендов, что несколько лет назад брат графа, герцог Клеймор, пригласил его для особого поручения. Правда, в то время Мэтью не был достаточно уверен в себе и, когда узнал, что за поручение, даже хотел отказаться. Но сейчас он набрался опыта и знаний и не раздумывая готов был взяться за любое, самое деликатное дело.

Итак, он терпеливо, с напускным безразличием ждал, когда граф изложит ему суть проблемы, касающейся то ли какого-нибудь сложного контракта, то ли изменения условий завещания, но скорее всего это будет что-то сугубо личное, какой-нибудь финансовый или имущественный вопрос, связанный с нынешней любовницей графа или конфиденциальным благотворительным даром.

Наконец Стивен отложил в сторону письмо управляющего поместьем в Нортумберленде и, откинувшись в кресле, рассеянно смотрел на сложную лепнину украшенного фресками потолка высотой почти в восемь метров. Затем мысли его перескочили с письма управляющего на Чариз Ланкастер, проблему более сложную. Но только он собрался заговорить со своим поверенным, как появился помощник дворецкого, пожилой мужчина, в котором Стивен не сразу узнал бывшего служащего Берлтона, и, вежливо кашлянув, сказал с отчаянием в голосе:

– Мисс Ланкастер требует, чтобы ей разрешили встать с постели, милорд. Не знаю, что делать.

Стивен невольно улыбнулся, решив, что девушке стало гораздо лучше, и, взглянув на дворецкого, сказал:

– Передайте ей, что еще целую неделю она должна лежать в постели и что после ужина я к ней зайду.

Словно не заметив, что на обычно бесстрастном лице Мэтью удивление сменилось восхищением, а восхищение тревогой, и не подумав о том, что своей улыбкой мог ввести слугу в заблуждение, Стивен без обиняков приступил к делу.

– Кажется, у меня появилась невеста, – начал он.

– Мои самые сердечные поздравления! – просиял Мэтью.

– Не моя невеста, а Артура Берлтона.

Лихорадочно соображая, как ответить на это откровение, поверенный после паузы произнес:

– Тогда передайте, пожалуйста, мои... гм... поздравления этому джентльмену.

– Не могу. Он мертв.

– Очень жаль.

– И в его гибели повинен я.

– Это уже хуже, – вырвалось у Мэтью.

Дуэли теперь были строго запрещены законом, и суды в этих делах занимали жесткую позицию. А тут еще граф в открытую спит с невестой пострадавшего.

Но у Мэтью в голове уже почти выстроилась оптимальная линия защиты.

– Шпаги или пистолеты?

– Ни то, ни другое. Экипаж.

– Простите?

– Я на него наехал.

– Это уже что-то новое, – рассеянно заметил Мэтью, – но строить защиту гораздо легче. –

От волнения Мэтью не заметил странного взгляда графа и с глубокомысленным видом продолжал: – Суд можно убедить в том, что вы не собирались убивать своего соперника, иначе предпочли бы дуэль. Ведь все знают, как вы отлично стреляете. Найдется по крайней мере дюжина свидетелей, которые подтвердят этот факт, например, Теодор Киттеринг. До того как вы ранили его в плечо, он был первоклассным стрелком. Нет, его лучше в это не втягивать, во-первых, он вас недолюбливает, а во-вторых, на суде может всплыть сам факт дуэли с ним. Да мы и без Киттеринга сумеем убедить судей, что у вас не было намерения погубить Берлтона и что это был просто несчастный случай.

Тут Мэтью наконец перевел глубокомысленный взгляд со стены кабинета на графа, который в этот момент очень четко, с расстановкой произнес:

– Вы можете счесть меня тупицей, но я совершенно не понимаю, черт побери, о чем вы толкуете!

– Простите?

– Уж не думаете ли вы, что я нарочно на него наехал?

– Да, именно так я и думаю.

– А могу я поинтересоваться, – процедил его милость сквозь зубы, – зачем это мне понадобилось?

– Возможно, причина заключалась... м-м... возможно, это связано с... м-м... некой молодой леди, которую вы не выпускаете из вашей... м-м... спальни.

Граф издал какой-то странный звук, похожий на смешок, хотя ему сейчас было не до смеха.

– Какой же я осел! – воскликнул он. И, выпрямившись в кресле, он заговорил деловым тоном: – На прошлой неделе Чариз Ланкастер, молодая женщина, которая находится сейчас в моих покоях, приехала из Америки в Англию. Она была помолвлена с Берлтоном, и по особому разрешению их свадьба должна была состояться на следующий день. Поскольку я оказался виновником его гибели и, кроме меня, некому было ей рассказать о случившемся, я встретил судно и сообщил ей печальную весть. Мы как раз беседовали на пристани, когда какой-то идиот потерял управление лебедкой, клеть с грузом сбила девушку с ног, и при падении она поранила голову.

Сопровождала ее в пути только горничная. Сейчас мисс Ланкастер в таком состоянии, что не может уехать домой, поэтому необходимо сообщить обо всем ее родственникам и одного из них проводить сюда, чтобы со временем он увез ее в Америку. Я также намерен уладить все дела покойного Берлтона. Соберите о нем информацию, чтобы я знал, с чего начать. Прежде всего необходимо расплатиться со всеми его кредитами.

– О, понимаю! – заулыбался Мэтью, довольный тем, что наконец сообразил, чего от него хотят.

– Вот и отлично!

Мэтью потянулся к лежавшим на столе перу и бумаге и спросил:

– Где проживает ее семья и кто ее родственники?

– Не знаю!

– Не... знаете?

– Нет.

– Тогда, может быть, спросить у молодой леди? – осторожно, почти с трепетом произнес Мэтью.

– Спросить, разумеется, можно, только вряд ли мы получим ответ, – сухо сказал Стивен и, сжавшись наконец над сбитым с толку поверенным, объяснил: – Из-за ушиба головы она потеряла память, правда, лишь на время, как утверждает доктор Уайткомб. Но в настоящий момент она ничего не помнит, хотя почти поправилась.

– Мне очень жаль, – искренне произнес поверенный и, полагая, что в заботах о молодой леди граф упустил из виду совсем простой выход из создавшейся ситуации, осторожно спросил: – Может быть, поговорить с ее горничной?

– Прекрасная идея, – ответил граф, – но для начала надо ее найти. – Глядя на обескураженного поверенного, изо всех сил старавшегося скрыть обуревавшие его чувства, Стивен едва сдерживал смех. – Я сразу отправил человека на судно, но девушка бесследно исчезла. Кто-то из команды предположил, что она англичанка и поехала к своим родственникам.

– Понятно, – снова приободрившись, кивнул неунывающий Мэтью. – В таком случае надо прежде всего провести расследование на судне.

– Судно вышло в море на следующее утро после случившегося.

– Ага. А как насчет багажа молодой леди? Может быть, именно в нем ключ к решению проблемы с ее родственниками?

– Может быть. Но к сожалению, ее багаж убыл вместе с судном.

– Вы уверены?

– На все сто. Когда случилось это несчастье, я думал лишь о том, как спасти девушку, и послал людей за ее багажом только на следующее утро, но судна в порту уже не было.

– В таком случае необходимо обратиться в транспортные конторы. Там наверняка есть декларации о пассажирах и судовом грузе, а также сведения о том, в какие американские порты судно заходило.

– Согласен, – сказал Стивен и поднялся, дав понять, что разговор окончен. Мэтью тоже встал и, прежде чем уйти, сказал:

– Охотно совершу поездку в наши колонии, поскольку побывал там всего раз.

– Простите, что прервал ваш отпуск, – повторил Стивен, – но дело срочное еще и потому, что надо испробовать все способы для восстановления памяти бедной девушки, и в этом смысле я очень надеюсь на ее родных и друзей.

Глава 12

Вечером Стивен, как и обещал, пошел навестить Шеридан. Обычно он делал это дважды в день и, хотя старался не задерживаться и вел себя сухо-официально, ждал этих визитов с нетерпением. На его стук в дверь ответа не последовало. Он снова постучал – молчание. Значит, и горничной там нет или же она заснула, несмотря на его строгий приказ ни на минуту не оставлять девушку одну. Но куда подевалась сама больная? Стивен был вне себя от волнения. Неужели она поднялась с постели, упала, а рядом не оказалось никого, кто мог бы ей помочь? Или же она не отвечает, потому что снова потеряла сознание?

Распахнув дверь, он буквально ворвался в комнату, но никого не увидел. Постель была аккуратно застелена. И эта маленькая глупышка, и горничная, обе решили пренебречь его указаниями! Вдруг до него донесся легкий шум. Стивен быстро обернулся и застыл на месте.

– Я не слышала, как вы вошли, – сказала девушка, появившись из гардеробной. На ней был белый, чересчур просторный для нее халат, в руке – щетка для волос, на голову небрежно наброшено голубое полотенце. Босая, она как ни в чем не бывало стояла перед ним, видимо, не испытывая ни малейших угрызений совести из-за того, что нарушила его запрет и встала с постели. Переволновавшись, Стивен в первый момент испытал раздражение, но тут же почувствовал облегчение и даже повеселел, заметив, что халат у нее подпоясан золотистым шнуром, наверняка снятым ею с гардин. Седва видневшимися из-под халата босыми ступнями и светло-голубым полотенцем на голове она напоминала босую Мадонну. Только у настоящей Мадонны на губах играла безмятежная, чарующая улыбка, а у этой выражение лица было одновременно смущенное, укоризненное и ужасно несчастное.

– Либо вы совершенно ненаблюдательны, милорд, либо плохо видите.

В полном недоумении Стивен осторожно сказал:

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Мои волосы, – с убитым видом произнесла она, ткнув пальчиком в то, что скрывалось под полотенцем.

Видимо, даже после наложения швов из раны продолжала сочиться кровь, и волосы от нее потемнели, подумал Стивен.

– Это смоесть, – заверил он ее.

– О, не думаю, – многозначительно произнесла она. – Я уже пробовала.

– Не понимаю...

– Я вовсе не шатенка... – пояснила она, сорвав с головы полотенце и с отвращением поймав одну прядку. – Взгляните! Я рыжая.

В голосе ее звучало отчаяние, зато Стивен буквально онемел, не в силах оторвать взгляд от роскошной огненной копны сверкающих волос, низвергшихся каскадом на ее плечи, грудь и спину. Девушка выпустила прядку, которую держала, и она заструилась между ее пальцами, как расплавленное золото.

– Иисусе!.. – выдохнул он.

– Они такие... рыжие-бесстыжие! – жалобно произнесла она.

Только сейчас Стивен осознал, что, будь он настоящим женихом, не пришел бы в восторг от того, к чему по идее должен был давно привыкнуть, и перестал созерцать это потрясающее зрелище.

– Бесстыжие? – переспросил он, сдерживая смех.

Она кивнула и с досадой убрала с лица это роскошное покрывало из волос.

– Значит, они вам не нравятся?

– Конечно, нет. Недаром вы от меня скрыли, какого они цвета.

Стивен кивнул, ухватившись за этот предлог, и снова впился глазами в ее волшебные волосы, великолепно оттенявшие тонкие черты лица и мраморную белизну кожи.

Заметив, что Стивен в восторге, Шеридан изумленно спросила:

– А вам нравятся?

Стивену они нравились. Ему нравилось в ней все. И он не задумываясь ответил:

– Очень. Полагаю, рыжие волосы редко встречаются в Америке.

– С чего вы взяли? – Шеридан собралась ответить, но запнулась. Потом сказала: – Насчет Америки не знаю, а вот в Англии они наверняка редкость. Я заставила признаться в этом горничную. Она сказала, что никогда в жизни не встречала таких волос, и была очень удивлена.

– Чье мнение для вас важнее? – спокойно спросил он.

– Ну, если вы так ставите вопрос... – сказала она, оробев, взволнованная его ласковой улыбкой. До чего же он красив, этот загорелый, сильный мужчина, глаз не отведешь. Просто не верится, что всем женщинам своей страны он предпочел ее. Очарованная его обаянием и тонким юмором, она каждый раз с нетерпением ждала его появления. Но он был так сдержан и немногословен во время своих визитов, что ей не удавалось ничего узнать ни о себе, ни о нем, ни об их отношениях в прошлом. Ей стало невозможно пребывать в неведении. Ведь неизвестно, когда к ней вернется память.

Она понимала, что лорд Уэстморленд беспокоится о ней и всячески ее оберегает, но сейчас она поднялась с постели, приняла ванну, вымыла волосы и надела халат. Пусть граф увидит, что она в состоянии задавать вопросы и выслушивать ответы. Ноги у нее были как ватные, то ли от слабости после перенесенной травмы, то ли в результате нервного напряжения, порой испытываемого ею в присутствии графа.

– Присядем? – Она кивнула на обитые шелком диванчики неподалеку от камина. – Я так долго валялась в постели, что ноги не держат.

– Почему вы сразу не сказали? – нахмурившись, спросил Стивен, пропуская ее вперед.

– Не знала, разрешено ли мне сидеть.

Она удобно расположилась на софе, подвернув под себя ноги и аккуратно расправив полы халата.

Видимо, она забыла, подумал Стивен, что хорошо воспитанные молодые леди не принимают посторонних мужчин у себя в спальне. Впрочем, и сам он нарушил приличия, раз находится здесь. Но поскольку он не мог отказать себе в таком удовольствии, то решил проигнорировать оба эти соображения.

– Вы сказали, что не знаете, разрешено ли вам сидеть. Как это понимать?

Она в смятении отвернулась к камину. Какая жалость! Теперь нельзя любоваться ее лицом, и он возликовал, когда девушка снова повернулась к нему:

– Я поняла из слов Констанцы, горничной, что вы граф.

Она взглядом молила Стивена опровергнуть этот факт, что делало ее в его глазах самой удивительной женщиной на свете.

– Ну и что, что граф? – спросил он.

– А то, что мне следует называть вас «милорд», – ответила она и, когда он вопросительно посмотрел на нее, призналась: – Насколько мне известно, в присутствии короля запрещено садиться без разрешения.

С трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, Стивен возразил:

– Но я не король, а всего-навсего граф.

– Да, но я не была уверена, что не следует вести себя точно так же по отношению к графу.

– Не следует. Кстати о горничной. Где она, черт побери? Ведь я приказал ни при каких обстоятельствах не оставлять вас одну.

– Я отослала ее.

– Из-за реакции на ваши волосы? – спросил он рассерженно. – Тогда я прослежу, чтобы...

– Нет, она была со мной с раннего утра и выглядела совсем измученной. Комнату она прибрала, а принять ванну я могу и сама, не маленькая.

Стивен удивился, и тут на него один за другим посыпались сюрпризы, пока последний не сразил его окончательно.

– Я приняла несколько решений, – с немалой долей уверенности заявила она.

– И что за решения, позвольте узнать? – улыбнулся он, не приняв всерьез ее заявление, однако говорить ей об этом не стал.

– Я решила относиться к потере памяти как к временному неудобству и прошу вас последовать моему примеру.

– Отличная идея.

– Но прежде мне нужно вас кое о чем спросить.

– О чем же?

– Да о самых простых вещах, – ответила она, едва не рассмеявшись. – Сколько мне лет? Каково мое полное имя?

Выстроенные Стивеном оборонительные рубежи не выдержали такого натиска. Он с удовольствием посмеялся бы над тонким юмором этой удивительной, мужественной девушки, но с еще большим удовольствием стащил бы ее с дивана, запустил руки в копну ее сияющих волос и запечатлел на ее губах долгий поцелуй. Она была столь же привлекательна, сколь и нежна, и даже в этом огромном халате, подпоясанном шнуром от гардины, выглядела куда сексуальнее, чем разодетые и даже голые куртизанки, которых он знал немало.

«Берлтон, должно быть, умирал от желания лечь с ней в постель, – думал Стивен. – Поэтому и собирался жениться на ней на следующий же день после ее прибытия...»

Но тут на Стивена снова нахлынуло чувство вины, и душу стал точить червь стыда. Это Берлтон, а не он должен был сейчас наслаждаться ее обществом и смотреть, как она босая свернулась калачиком на диване. Это Берлтон имел право мысленно раздевать ее, мечтая с ней переспать. А что он мечтал именно об этом накануне ее приезда, Стивен не сомневался.

Но вместо того чтобы наслаждаться, ее пылкий возлюбленный лежит в гробу, а убийца приятно проводит время с его невестой. Мало того, вожделеет ее.

Это переходит всякие границы. Какое-то безумие. Если он хочет поразвлечься, любая женщина в Европе к его услугам, самая красивая, на выбор: искушенная или наивная, легкомысленная или серьезная, смелая или робкая, блондинка, брюнетка, рыжая, нет проблем. Но ему, видите ли, подавай только эту женщину, он просто влюбился, как мальчишка, как старый распутник.

Ее спокойный голос вывел Стивена из этих мучительных раздумий, однако он по-прежнему презирал себя.

– Не важно, что это было, – не то в шутку, не то всерьез заявила она, – но надолго оно здесь не задержится.

– Простите? – уставился на нее Стивен.

– Вы что-то пристально разглядывали за моей спиной целую минуту, – пояснила она. – Так вот, я полагаю, у этого «что-то» есть ножки и оно быстро бежит.

Он невесело усмехнулся:

– Простите. Я просто задумался.

– О, пожалуйста, не извиняйтесь! – нервно рассмеялась она. – По крайней мере не мои вопросы испортили вам настроение, а что-то другое. Даже на душе стало легче.

– Боюсь, я напрочь забыл, что за вопросы.

– Мой возраст? – напомнила она, приподняв свои тонкие брови. – Мое имя?

Тон у нее был беззаботный, однако он видел, что она пристально наблюдает за ним, и чувствовал себя очень неловко, пытаясь сосредоточиться на ее вопросах. Она вздохнула, нарушив воцарившуюся тишину, и, строго глядя на него, сказала:

– От доктора Уайткомба я узнала, что моя болезнь называется ам-не-зия и что она неза-
разная. Так что не притворяйтесь, будто тоже потеряли память, не огорчайте меня, я хочу быть
единственной в своем роде. Ладно, начнем с самых простых вещей. Не будете ли вы любезны
сказать, как вас зовут и сколько вам лет? Не торопитесь, подумайте, прежде чем ответить.

Стивен обязательно рассмеялся бы, не презирай он себя за притворство.

– Мне тридцать три, а зовут меня Стивен Дэвид Эллиот Уэстморленд.

– Вот теперь все ясно! – не переставала она шутить. – Столько имен сразу не вспомнишь.

С трудом сдерживая улыбку, Стивен, напустив на себя суровый вид, произнес:

– Вы забываетесь, дерзкая девчонка! Я требую к себе уважения!

Она склонила голову набок и без тени раскаяния с любопытством спросила:

– Потому что вы граф?

– Нет, потому что я выше ростом.

Она рассмеялась так звонко и заразительно, что Стивену стоило немалых трудов сохра-
нить непроницаемое выражение лица.

– Итак, после того, как мы установили, что я дерзкая, а вы ростом выше меня, – сказала
она, бросив на него из-под ресниц лукавый взгляд, – есть ли у нас основания полагать, что вы
старше меня?

Боясь рассмеяться, Стивен лишь кивнул.

Она тотчас ухватилась за это:

– И намного?

– Да вы просто назойливая девчонка! – воскликнул он, не то потешаясь, не то восхищаясь
ее хитростью и умением повернуть разговор в нужное ей русло.

Вдруг посерьезнев, она устремила на него полный мольбы взгляд.

– Прошу вас, скажите, сколько мне лет, и назовите мое полное имя. Но может быть, вы
не знаете?

Он не знал. Не знал даже возраста и имени тех женщин, с которыми делил постель, не
говоря уже об этой девушке. И он решил, что безопаснее и вообще во всех отношениях лучше
сказать ей правду, тем более что она так мало времени провела со своим женихом.

– Признаться, у нас и разговора об этом не было.

– А моя семья – какая она?

– Ваш отец вдов, – вспомнил Стивен слова дворецкого Берлтона, радуясь, что хоть это
ему известно. – Детей у него больше нет. Вы единственная дочь.

Она кивнула и с улыбкой задала очередной вопрос:

– А как мы встретились?

– Думаю, ваша мама представила вас ему вскоре после вашего рождения.

Она рассмеялась, полагая, что он шутит. Однако Стивену было не до шуток. Не говоря
уже о том, что подобных вопросов он не ожидал, любой его ответ оказался бы ложью.

– Я имею в виду как мы встретились с вами?

– Как это обычно бывает.

– То есть?

– Нас представили друг другу. – Избегая взгляда ее больших пронизательных глаз, он
поднялся и подошел к буфету, где еще раньше заметил хрустальный графин.

– Милорд?

Наливая бренди в бокал, он оглянулся через плечо:

– Да?

– Мы по-настоящему любим друг друга?

Стивен пролил на золотой поднос добрую половину бренди и, чертыхнувшись про себя,
подумал, что независимо от того, как он ей ответит на этот вопрос, она потом, когда к ней
вернется память, почувствует себя обманутой и возненавидит его как виновника гибели ее

возлюбленного. Но не настолько, насколько он сам себя сейчас ненавидел за то, что собирался сделать. Подняв бокал, он проглотил оставшийся в нем бренди, повернулся и, глядя ей прямо в глаза, сказал:

– Это Англия, а не Америка. – Он знал, как низко падет в ее глазах после этого, но у него не было выбора.

– Да, знаю. Доктор Уайткомб говорил мне.

Стивену стало не по себе. Ведь это он, а не доктор должен был ей сказать, где она находится.

– Это Англия, – повторил он. – И когда в высшем обществе вступают в брак, то руководствуются главным образом соображениями целесообразности. Не то что некоторые американцы, у которых сердца нараспашку, а на языке вертится слово «любовь». Это пошлое чувство – удел бедняков и поэтов.

Она была ошеломлена, словно ей дали пощечину, и Стивен, сам того не желая, со стуком поставил бокал на место.

– Надеюсь, я не огорчил вас своей прямоотой, – сказал он, чувствуя себя последним ублюдком. – Уже поздно, вам пора отдыхать.

Он слегка поклонился ей, дав понять, что разговор окончен, подождал, пока она поднимется с дивана, и вежливо отвернулся, когда распахнулись полы халата и появилась изящная ножка.

– Милорд?

– Да? – не оборачиваясь, спросил он, уже взявшись за ручку двери.

– Но оно у вас есть, ведь правда же?

– Что?

– Сердце.

– Мисс Ланкастер, – начал было он, проклиная судьбу за то, что оказался в таком ужасном положении, повернулся и увидел, что девушка стоит в ногах кровати, грациозно опираясь на стойку.

– Меня зовут... – она помедлила, и чувство вины снова захлестнуло его при мысли, что лишь ценой невероятных усилий ей удалось вспомнить собственное имя, – Чариз. Прошу вас, называйте меня так.

– Конечно, – сказал он, вовсе не собираясь этого делать. – А теперь извините, я должен идти. Дела.

Как только дверь за ним захлопнулась, Шеридан почувствовала головокружение и тошноту и обеими руками ухватила за стойку, чтобы не упасть. Затем осторожно опустилась на шелковое покрывало. От охватившей ее слабости и страха сердце колотилось, как бешеное.

Что она за женщина, если согласилась связать свою жизнь с таким мужчиной? Что он за человек? У нее засосало под ложечкой при одном воспоминании о его холодном взгляде и странных, мягко выражаясь, рассуждениях о любви.

О чем она думала, веря ему свою судьбу? Зачем сделала это?

Ответ пришел сам собой: ее очаровала его ласковая улыбка.

Но сегодня он даже не улыбнулся ей на прощание, раздосадованный разговором о любви. Завтра она извинится перед ним. Или же поведет себя так, будто этого разговора вовсе не было, и попытается развеселить его какой-нибудь пустой болтовней.

Она забралась в постель и натянула одеяло до самого подбородка. Однако уснуть не могла – хотелось плакать – и лежала, устремив взгляд на балдахин. Нет, она не позволит себе лить слезы, ничего страшного не произошло. В конце концов они помолвлены. Да и вряд ли для него так уж важны ее взгляды на любовь. Но стоило ей вспомнить свой дурацкий вопрос, есть ли у него сердце, как рыдания стали душить ее с новой силой.

Утром случившееся будет выглядеть в ином свете, утешала она себя. А сейчас она очень устала. Слишком много всего: купание, одевание, мытье головы. Завтра он придет, и все будет по-прежнему.

Глава 13

Тремя днями позже приехал Уайткомб и в сопровождении дворецкого, улыбаясь, вошел в кабинет Стивена. Через полчаса, посетив больную, он снова спустился вниз, но уже без улыбки и озабоченный.

– Уделите мне несколько минут, я должен поговорить с вами наедине, – сказал он, – отмахнувшись от перепуганного дворецкого, пытавшегося доложить о его приходе.

Стивен догадался, о чем пойдет речь, и, с досадой вздохнув, откинулся в кресле.

– Разве я не говорил вам, – начал доктор, как только дверь за секретарем закрылась, – что мисс Ланкастер нельзя нервничать. Специалист по амнезии, с которым я консультировался, придерживается того же мнения. Надеюсь, вы это помните?

Раздраженный агрессивным тоном врача, Стивен едва удержался от резкости и ограничился одним коротким:

– Помню!

– Тогда объясните мне, – уже мягче произнес доктор, заметивший раздражение графа, – почему за последние три дня вы ни разу ее не навестили, зная, как важно отвлечь ее от грустных мыслей о случившемся!

– Но я сделал для этого все. В ее распоряжении книги, журналы мод, вышивание, в общем, все, что так нравится женщинам.

– Отлично. Но вы забыли о главном, на что она вправе претендовать.

– О чем же? – спросил Стивен, заранее зная ответ.

– Хоть о каком-то общении с женихом.

– Никакой я ей не жених!

– Согласен, но так случилось, что она потеряла его по вашей вине. Неужели вы забыли об этом?

– Исключительно потому, что вы человек стареющий, сверхэмоциональный и к тому же друг семьи, я прощаю вам это оскорбление!

Тут доктор спохватился. Он понял, что выбрал неправильную тактику, слишком далеко зашел. Он словно забыл, что озорной мальчишка, который среди ночи забирался в конюшню, чтобы прокатиться на новом жеребце, а потом мужественно сдерживал слезы, когда доктор вправлял ему вывихнутую руку и читал нотации, давно уже превратился в не терпящую возражений важную персону. И доктор пошел на попятную.

– Вы совершенно правы, – сказал он примирительно. – Я действительно взволнован. Разрешите присесть?

– Разумеется! – снисходительно кивнул граф.

– Стареющие и сверхэмоциональные парни быстро устают, – добавил доктор с усмешкой и испытал облегчение, заметив на лице графа подобие улыбки. Прикидывая в уме, как повести разговор дальше, Хью указал на медную сигарницу, лежавшую на обтянутом кожей столике возле его кресла. – Можно? Иногда чертовски хочется выкурить хорошую сигару.

– Конечно.

Когда Хью зажег сигару, он уже знал, как убедить Стивена в том, что Чариз Ланкастер в плохом состоянии, а Стивен к этому времени успокоился и перестал сердиться на доктора.

– Наша больная, – осторожно начал Хью, следя за тонкой струйкой дыма, – мечется и стонет в постели.

От волнения Стивен вскочил было с кресла, но Уайткомб жестом остановил его и сказал:

– Она спала, Стивен. Дремала. Но у нее небольшой жар, – солгал он, чтобы добиться своей цели. – Еще я узнал, что у нее совсем пропал аппетит и что от одиночества и тоски она

готова вести разговор с горничными, лакеями, с каждым, кто может ей рассказать о доме, о ней самой и о вас, ее женихе.

Доктор так живописал все муки Чариз Ланкастер, что Стивен ощутил свою вину с утренней силой, но сдаваться не собирался.

– Я ей не жених, – твердил он. – Я главный виновник гибели ее жениха. Погубил его, а потом сам занял его место. Ну не мерзость ли? – произнес он с сарказмом охрипшим от отчаяния голосом.

– Да не убивали вы его, – возразил Хью, пораженный глубиной переживаний Стивена. – Он сам в подпитии угодил под колеса вашего экипажа. Не он первый, не он последний. Такое часто бывает.

– Легко вам рассуждать, – резко произнес Стивен. – Вы не были там. Не вытаскивали его из-под лошадей. На него страшно было смотреть: шея сломана, глаза широко открыты, он пытался что-то сказать, задыхался. Бог мой, такой молодой, лицо гладкое, еще не знавшее бритвы! «Найти Мэри»⁴, – произнес он несколько раз, с трудом шевеля губами. Я думал, он говорит о женщине, а он, оказывается, в свой смертный час говорил о женитьбе. Я это понял лишь на следующий день. А вы говорите, что я не виноват, черт подери, в том, что наехал на него, а теперь еще и обхаживаю его невесту!

Хью ждал, когда Стивен закончит свою покаянную тираду, чтобы объяснить ему, каким, по слухам, был Берлтон, и сказать, что такой мот, пьяница и картежник вряд ли составил бы счастье мисс Ланкастер, останься он жив. Однако последние слова Стивена явились для доктора настоящим открытием. Теперь ясно, почему он избегает встречи с девушкой.

Уайткомб был так поражен, что даже забыл про сигару и так и сидел, зажав ее в зубах, откинувшись в кресле и зачарованно глядя на рассерженного графа.

– Так вот, оказывается, в чем дело!

– Именно в этом, – отрубил Стивен.

– Теперь наконец я все понял.

Щурясь от дыма, доктор с минуту обдумывал ситуацию, затем снова заговорил:

– Что же, нет ничего удивительного в том, что она вас очаровала, Стивен. Такая милая! Такая обворожительная!

– Вот и отлично! – язвительно произнес Стивен. – Тогда скажите ей, что вы Берлтон, сыграйте свадьбу, и все проблемы сразу исчезнут.

Сама по себе эта мысль показалась доктору столь привлекательной, что он отвел взгляд от Стивена и задумался, вертя в пальцах сигару, которую вынул наконец изо рта.

– Потрясающая идея! – воскликнул после паузы доктор. – Прямо-таки на уровне открытия.

– О чем это вы? – недоумевая спросил Стивен.

– О замужестве нашей больной. Если оно состоится, проблема сама собой исчезнет. – И, не дожидаясь ответа, он продолжал: – Вы считаете себя виновником гибели Берлтона и болезни девушки, к которой вы, кстати, равнодушны. Однако по совершенно непонятной причине не желаете притвориться ее женихом и тем самым способствовать ее выздоровлению. А ведь это, согласитесь, так просто!

– Пожалуй, если следовать вашим рассуждениям.

– Вот и решение проблемы! – с довольной улыбкой сказал Хью, хлопнув себя по колену. – Так что нечего над этим ломать голову.

И, не ожидая, пока взволнованный Стивен потребует от него подробных объяснений, доктор стал развивать свою мысль дальше:

⁴ To get Mary – найти Мэри. To get married – жениться (англ.).

– Вы взяли на себя ответственность за гибель Берлтона, хотя виновны в ней лишь косвенным образом. Вы притворились женихом девушки, и она почувствовала к вам глубокую привязанность, не подозревая, что это обман. В сложившейся ситуации иначе и быть не могло. Теперь вам остается сделать еще один шаг – превратить ваше вынужденное притворство в реальность.

Зная ваше отношение к женщинам, ваша мама уже отчаялась увидеть вас когда-нибудь женатым, и у мисс Ланкастер, разумеется, нет ни малейшего шанса выйти за вас. Но отвергнуть ее вам будет не так просто, как в случаях с другими женщинами. Вы находите ее привлекательной и опасаетесь, что в конце концов она покорит вас, что вы не сможете устоять. Иначе вы не избегали бы встреч с ней в своем собственном доме, тем более что знаете, как она нуждается в вашем внимании и в общении с вами. Не такой уж вы бездушный!

– Вы все сказали? – без обиняков спросил Стивен.

– В основном. А теперь хотелось бы знать, что вы об этом думаете?

– Думаю, что все это ваши фантазии, не имеющие ничего общего со здравым смыслом. И как только вам такое могло прийти в голову?

– Ну тогда скажите, милорд, почему бы вам не пожалеть бедную девушку и не навестить ее? – спросил доктор со своей обычной улыбкой, глядя на Стивена поверх пенсне.

– На этот вопрос я пока не могу ответить, поскольку в отличие от вас не успел еще проанализировать все свои опасения.

– Тогда позвольте сообщить вам дополнительную информацию для преодоления всех ваших опасений, реальных и воображаемых, – решительно заявил Хью. – Я почитал кое-что об амнезии, проконсультировался с некоторыми моими коллегами, весьма малочисленными, имеющими опыт в этой области, и пришел к выводу, что причиной этого заболевания может стать не только ушиб головы, но и нервное расстройство или, что совсем плохо, и то, и другое. Отчаянные попытки мисс Ланкастер что-то вспомнить ни к чему, кроме депрессии и истерик, не приведут, а это ей категорически противопоказано. Ощущение радости и покоя скорее вернет ей память. Впрочем, ни в чем нельзя быть уверенным.

Стивен нахмурился и устремил свои голубые глаза на доктора.

– Ни в чем? Что вы хотите этим сказать?

– То, что сказал. Ничего больше. Амнезия не всегда излечивается. Был случай, когда больному пришлось заново учиться говорить, читать и даже есть.

– Боже мой!

Для вящей убедительности Уайткомб кивнул, а затем добавил:

– Ваши сомнения исчезнут бесследно, если вы учтете еще одно обстоятельство. Я сказал молодой леди, что до приезда сюда она не имела возможности проводить много времени со своим женихом. И еще – что она никогда не бывала ни в этом доме, ни в этой стране. Поэтому ее не тревожит тот факт, что она никого здесь не узнает и что дом этот для нее незнакомый и чужой. Однако положение сильно осложнится, когда приедут ее родственники. Если память у нее не восстановится и она никого из них не узнает, это будет для нее настоящим ударом. Итак, чем вы готовы рискнуть, чтобы спасти ее от этой печальной участи?

– Чем угодно, – коротко ответил Стивен.

– Я знал, что, поняв всю сложность положения, вы отнесетесь к этому должным образом. Кстати, я разрешил мисс Ланкастер со следующей недели вставать с постели, при условии, что она не будет перенапрягаться. – Уайткомб щелкнул крышкой своих часов и поднялся. – Мне пора. Я получил записку от вашей милой мамы. Она сообщает, что собирается приехать через неделю в Лондон на сезон вместе с вашим братом и его женой. С нетерпением жду их приезда.

– Я тоже, – рассеянно бросил Стивен.

Глядя вслед выходявшему из кабинета доктору, Стивен подумал о том, что, помимо всего прочего, ему придется вовлечь в обман всю семью. Он стал засовывать в ящик стола бумаги, и

тут в голову ему пришла мысль еще более ужасная. Через неделю начнется сезон, посыплются приглашения на рауты и приемы, и дом будет полон гостей.

Заперев ящик на ключ, он откинулся в кресле и погрузился в размышления. Допустим, он откажется от всех приглашений, что сделает с большим удовольствием, но это не решит всех проблем. Друзья и знакомые начнут наносить визиты, искать встречи с ним, выяснять, почему, приехав на сезон в Лондон, он ведет себя, как отшельник.

Стивен все больше хмурился и наконец решил, что единственный выход – это увезти мисс Ланкастер из города в самое дальнее из его поместий. Придется, разумеется, все объяснить невестке и матери, из-за которых он, собственно, и приехал в Лондон. Уж очень они его просили об этом, ссылаясь на то, что вот уже два года его не видели, очень соскучились и буквально мечтают о встрече. Была и еще причина, о которой Стивен знал. Обе хотели, чтобы он наконец женился, предпочтительно на Монике Фицуеринг. В последнее время они так упорно этого добивались, что становилось даже забавно. Но когда Стивен все им расскажет, они, несомненно, простят его, хотя и будут ужасно разочарованы.

Глава 14

Теперь, когда Стивен наконец осознал всю важность аргументов Уайткомба и понял, насколько необходимо ему войти в роль любящего жениха, он решил во что бы то ни стало исправить положение немедленно. Постояв не много у дверей Шеридан, он приготовился к потоку слез и упреков, которые она обрушит на него, и, постучав, попросил разрешения войти.

Шеридан вздрогнула при звуке его голоса, но продолжала переписывать сообщение из лондонской газеты и, когда горничная бросилась к двери, чтобы впустить его, решительно сказала:

– Передайте, пожалуйста, его светлости, что мне нездоровится.

Услышав эти слова из уст горничной, Стивен нахмурился, пытаясь представить себе, насколько сильно навредил ей своей невнимательностью.

– Скажите, что я пришел навестить ее и снова вернусь через час.

Узнав, что граф собирается снова прийти, Шеридан не испытала ни радости, ни облегчения. Отныне она не намерена зависеть от него. Обеспокоенность доктора Уайткомба ее состоянием в это утро передалась и ей, и она перестала хандрить. Для полного выздоровления, заявил доктор, ей необходимо окрепнуть физически и не ослаблять умственной деятельности.

Доктор стал выгораживать графа, пытался объяснить его невнимание к ней занятостью срочными коммерческими делами, обязанностями человека, занимающего такое высокое положение, проблемами с управляющим одного из его поместий. Даже намекнул на его пошатнувшееся здоровье. Однако эти весьма сомнительные доводы все больше убеждали Шеридан в том, что даже второстепенные дела и светская жизнь для графа гораздо важнее его больной невесты. Мало того, у нее были все основания считать, что он решил наказать ее, преподать ей жестокий урок за то, что она дерзнула заговорить о любви и спросила, есть ли у него сердце.

Как она мучилась! Как корила себя за это! Места себе не находила. Однако, слушая доктора Уайткомба, обеспокоенного ее здоровьем, и глядя на его помрачневшее лицо, она постепенно пришла к выводу, что ей не в чем себя упрекать, что справедливость на ее стороне. Ведь даже доктор о ней тревожится, не считаясь со временем, приехал издалека ее навестить. Пусть, с точки зрения умудренного жизненным опытом английских аристократов, любовь – смешное, никому не нужное чувство, но мог же граф уделить ей немного времени хотя бы потому, что она больна. И как только она решилась выйти за такого человека? Рехнулась, что ли? Ведь ничего хорошего в нем нет, только красота, но недаром говорят, что с лица воду не пить. Она попросит графа расторгнуть помолвку и жениться на другой женщине, такой же бессердечной и бездушной, как он сам, разумеется, если после восстановления памяти не вспомнит ничего такого, что могло бы коренным образом изменить ее решение.

Она просто не могла поверить, что, находясь в здравом уме, вдруг изменила свои взгляды на брак. Возможно, отец заблуждался относительно графа, считая его хорошей партией для дочери, и уговорил ее выйти за него замуж. В таком случае она поедет к отцу и объяснит, почему передумала. В последние дни она пыталась вспомнить отца, но никак не могла представить себе его лицо, лишь ощущала смутное волнение, переполнявшую сердце любовь к нему, захлестнувшую ее теплой волной, и щемящую тоску разлуки с ним. Нет, отец никогда не заставит ее выйти замуж за недостойного человека, иначе она не питала бы к нему таких чувств.

Ровно через час Стивен снова постучал в дверь.

Шеридан посмотрела на часы, с досадой отметив про себя, что по крайней мере он пунктуален, однако это не повлияло на ее решение. Продолжая просматривать разложенные на письменном столе у окна газеты, Шерри попросила служанку:

– Пожалуйста, передайте его светлости, что я отдыхаю. – Шерри не могла не гордиться собой и, хотя понятия не имела о том, какой была Чариз Ланкастер, не сомневалась в том, что девушка она волевая и решительная.

Чувство вины у стоявшего за дверью Стивена сменилось тревогой.

– Она больна? – настойчиво спросил он служанку.

Служанка вопросительно посмотрела на Шеридан и, когда та отрицательно покачала головой, ответила, что нет, не больна.

Еще через час Стивену ответили, что она купается.

Когда же он в очередной раз, вне себя от волнения, громко постучал, ему сообщили, что мисс спит.

– Скажите мисс, – предупредил он зловещим тоном, – что я приду ровно через час и надеюсь увидеть ее очень чистой, хорошо отдохнувшей и готовой спуститься со мной вниз к ужину. Ужин – в девять.

Когда через час граф снова постучал, Шеридан развеселилась и очень довольная погрузилась в теплую пузырящуюся воду, так глубоко, что, казалось, она вот-вот выплеснется через край мраморной ванны.

– Передайте его светлости, что сегодня я предпочитаю ужинать одна в своей комнате, – велела она, с жалостью глядя на горничную, у которой был такой вид, словно ее собирались выпороть.

Стивен распахнул дверь и, не дав служанке договорить, едва не сбив ее с ног, шагнул в спальню.

– Где она?!

– В... в... ванной, милорд.

Он бросился было к двери, которая вела в ванную, оборудованную им несколько лет назад, но, перехватив ошеломленный взгляд служанки, резко повернулся и пошел к столу, на котором рядом с газетами увидел лист бумаги.

– Мисс Ланкастер! – с угрожающими нотками в голосе крикнул Стивен, до смерти напугав несчастную служанку, которая побелела как мел. – Если ровно через десять минут вы не спуститесь вниз, я притащу вас в столовую в любом виде, одетую или голую! Ясно?

Но, к немалому его изумлению, негодная девчонка просто проигнорировала его ультиматум! Интересно, кому это она пишет письмо? Стивен взял со стола лист, с сарказмом думая о том, что бедняге Берлтону, пожалуй, здорово повезло, ибо, останься он жив, Чариз Ланкастер со своим ослиным упрямством и отвратительным характером превратила бы его жизнь в сущий ад.

Пробежав глазами несколько строк, написанных четким, аккуратным почерком, Стивен понял, что это не письмо, а выписанная из «Морнинг пост» информация, которую она наверняка знала прежде, а теперь снова должна была запомнить. И все – из-за него!

Король Англии – Георг IV. Род. 1762.

Отец Георга IV – Георг III. Умер два года назад.

Англичане называют его «Фермер Георг».

Король увлекается женщинами, красивой одеждой и прекрасными винами.

* * *

После этого следовали попытки в том же порядке привести какие-то факты о себе, но на месте самых простых ответов были пропуски.

Я родилась в 18?

Имя моего отца?
Я люблю?

Закрыв глаза, Стивен с горечью думал о том, что во всех ее несчастьях виноват только он. Она не знает ни своего имени, ни своего года рождения, ни имени отца. Но самый тяжелый удар ждет ее после того, как к ней вернется память, – известие о гибели жениха. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. И опять-таки в этом виноват он.

Лист, который Стивен держал, жег ему руки. Он уронил его на стол, прерывисто вздохнул и повернулся, чтобы уйти. Он поклялся себе быть терпеливым и снисходительным ко всем ее словам и поступкам, потому что не вправе ни злиться, ни отчаиваться; вообще испытывать какие-либо чувства, кроме вины и ответственности.

Он сделает все, что в его силах, чтобы она больше не страдала из-за его невнимания и из-за гибели жениха, о которой ей предстоит узнать. Он компенсирует нанесенный ей ущерб. Полный решимости, Стивен направился к двери, но немедленно приступить к осуществлению своего плана не мог, поскольку Чариз все еще была в ванной, и ему ничего не оставалось, как сказать ей вежливо и в то же время твердо:

– У вас еще восемь минут.

В ванне захлюпала вода, Стивен кивнул и, очень довольный, вышел. Идя по коридору к лестнице, он вдруг подумал о том, что ему придется не только извиниться, но еще и найти приемлемые для нее объяснения своего невнимания к ней. У Чариз Ланкастер, как почти у всех девушек, были идеалистические представления о любви и браке. Не случайно она спросила его, очень ли они любят друг друга. При одном лишь упоминании о любви Стивена коробило. Он по опыту знал, что женщины только говорят о любви, уверяя, что без нее жить не могут, а сами не способны на сколько-нибудь серьезное, глубокое чувство. Стивен же не верил в любовь и не верил женщинам, которые о ней рассуждали.

Элен вполне разделяла его взгляды на сей счет, и это еще больше их сближало. Мало того, она не изменяла ему, чего нельзя сказать о большинстве жен его знакомых. Поэтому-то он и обеспечил ей комфорт, приличествующий не любовнице, а законной супруге аристократа: прекрасный дом в Лондоне, масса слуг, шкафы, набитые платьями и мехами, великолепная, покрытая серебристым лаком карета с бархатными сиденьями бледно-лилового цвета, любимого цвета Элен Деверне.

Другим женщинам он казался слишком экстравагантным, и если какая-нибудь из них и надевала бледно-лиловое платье, то очень быстро с ним расставалась, поскольку никому этот цвет так не был к лицу, как Элен Деверне.

Достаточно искушенная и очень практичная, Элен понимала, что одно дело – заниматься любовью и совсем другое – любить, и играла по правилам.

Размышляя обо всем этом, Стивен подумал, что ни одной из его женщин, в том числе и тем, с которыми у него была достаточно продолжительная связь для того, чтобы поползли слухи о помолвке, ни разу не пришло в голову завести с ним разговор о любви, а тем более надеяться, что он признает факт ее существования.

Однако Чариз Ланкастер явно не была ни столь искушенной, ни столь практичной. Она, конечно же, ждала от жениха пространных разговоров о любви, которых Стивен всячески избегал ради ее же блага, да и своего тоже. Как только к ней возвратится память, она возненавидит его за обман, но еще больше за то, что он унизил ее фальшивыми признаниями в вечной любви.

Два лакея шагнули ему навстречу, когда он подошел к гостиной, и распахнули перед ним двери. Стивен вошел, двери бесшумно закрылись, и он направился к буфету. Налив себе рюмку шерри, он стал лихорадочно соображать, как решить возникшую перед ним проблему. За считанные минуты он должен придумать какое-то вразумительное объяснение своих совершенно неподобающих жениху поступков в тот злополучный вечер, а также в последующие дни, когда

избегал встреч с ней. Он думал, что достаточно извиниться, обратить все в шутку и на том дело кончится. Однако ошибся. Она даже не пожелала его видеть. Ну и характер!

Глава 15

На ходу застегивая длинный бледно-лиловый пеньюар, Шеридан в сильном волнении пробежала по коридору мимо изумленных лакеев, которые словно по команде повернули к ней головы и так и остались стоять с разинутыми ртами. Полагая, что именно там находится жилая часть дома, Шерри вышла на площадку с белыми мраморными перилами вдоль лестницы, широкой, изящной спиралью спускавшейся вниз на целых два этажа, прямо в огромную залу для приемов.

Придерживая подол пеньюара, девушка сбегала по лестнице мимо портретов, с которых на нее смотрели надменные предки графа, представители всех шестнадцати поколений. Она понятия не имела, где ждет ее граф, и думала лишь о том, что он ко всему прочему еще и грубиян, потому что разговаривал с ней так, будто она – его собственность, предвкушая удовольствие стащить ее вниз, словно куль муки, на глазах у всей челяди, если она не явится в назначенное им время.

И чтобы лишиться его этого удовольствия, девушка была готова на все. Господи! И как только она согласилась, будучи в здравом уме, связать свою жизнь с таким человеком! Хоть бы скорее приехал отец! Она попросит его немедленно расторгнуть помолвку и увезти ее из этого дома.

Ей не нравится граф и вряд ли понравится его мать, в этом нет ни малейших сомнений. Она даже представить себе не могла, чтобы пожилая вдова, да и просто порядочная женщина, появлялась на балах или принимала гостей в полупрозрачном, фривольном платье, с корсажем, скрепленным лишь серебристыми лентами. Она была настолько зла и в то же время опечалена, что даже не обратила внимания на великолепие большой залы с четырьмя сверкающими люстрами, похожими на огромные бриллиантовые диадемы, с изумительными фресками на стенах и замысловатой лепниной на потолке.

Вдруг она увидела пожилого господина в черном костюме и белой рубашке, который быстро направился к комнате, примыкающей к зале слева.

– Вы звонили, милорд? – услышала она его голос, когда он заглянул в дверь, и в ту же секунду, пятась и почтительно кланяясь, снова закрыл ее.

– Простите... – смущенно произнесла Шерри, путаясь в подоле пеньюара и держась за стену, чтобы не упасть.

Он обернулся, увидел ее и замер на месте. Лицо его исказила гримаса, щеки задержались, как при шоке.

– Нет-нет, я в полном порядке, – поспешила заверить его она, выпрямившись и высвободив подол из-под левой ступни. Тут господин еще больше изумился. Тогда Шеридан, протянув ему руку, произнесла:

– Доктор Уайткомб разрешил мне спускаться вниз. Мы с вами еще не встречались, мое имя Чариз... м-м... Ланкастер. – Ей пришлось напрячься, чтобы вспомнить. Желая приободрить растерявшегося старика, Шерри пожала ему руку и с легкой улыбкой спросила: – А вас как зовут?

– Ходжкин, – ответил он каким-то хриплым голосом и, откашлявшись, повторил: – Ходжкин.

– Рада познакомиться с вами, мистер Ходжкин.

– Нет, мисс, просто Ходжкин.

– Но не могу же я называть вас просто по фамилии. Это неуважительно, – возразила Шеридан.

– Здесь так принято, – ошеломленно ответил старик.

Девушка до того возмутилась, что невольно стала теревать складку пеньюара.

– Только животное, высокомерное животное, может допустить, чтобы к пожилому человеку обращались без слова «мистер»!

Лицо Ходжкина снова исказила гримаса, и он как-то странно вытянул шею, словно ему было трудно дышать.

– Простите, не знаю, кого вы имеете в виду, мисс.

– Я имею в виду... – Ей снова пришлось напрячь память. Говорила же ей служанка, как зовут графа, перечислила как будто целую серию имен, но фамилия его, похоже, Уэстморленд. Да, точно.

– Я имею в виду Уэстморленда, – сказала она, нарочно опустив титул Стивена. – Следовало бы хорошенько выпороть его, чтобы научился человеческому обхождению.

Лакей на верхней лестничной площадке, флиртовавший с проходившей мимо горничной, круто повернулся и стал смотреть вниз, горничная, тоже увлеченная этим поистине захватывающим зрелищем, перегнулась через перила и налетела на него. Недалеко от Шеридан четыре лакея, которые церемониальным шагом шли гуськом, неся блюда с едой, внезапно наскочили друг на друга, потому что первый остановился как вкопанный. В этот момент из столовой появился седовласый мужчина, одетый точь-в-точь, как Ходжкин, только помоложе, и грозно сдвинул брови, когда серебряная крышка с треском свалилась на мраморный пол и покатилась к его ногам.

– Кто посмел?... – загремел он, но в эту минуту увидел Шеридан и, ошеломленный, переводил взгляд с ее волос на пеньюар, с пеньюара – на босые ноги.

Словно не замечая произведенного ею впечатления, Шеридан улыбнулась Ходжкину и мягко сказала:

– Видите ли, никогда не поздно прислушаться к замечаниям, тем более справедливым. Непременно выберу подходящий момент и скажу графу, что при обращении к человеку вашего возраста нельзя опускать слово «мистер». Посоветую ему поставить себя на ваше место.

Она не договорила, так как не без удивления увидела, что брови старика взметнулись чуть ли не до корней волос, а выпуклые глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Тут Шеридан спохватилась, поняв, что от злости зашла чересчур далеко и что бедный старик, очевидно, боится потерять работу, если она вступится за него.

– Не волнуйтесь, мистер Ходжкин, я погорячилась. Обещаю ничего не говорить графу.

Слуги наверху и внизу, будто сговорившись, облегченно вздохнули, но тут же снова застыли на месте, потому что в этот момент Ходжкин открыл дверь в гостиную, и они услышали, как американка надменным, непочтительным тоном спросила их господина:

– Вы звонили, милорд?

Стивен обернулся и ошеломлен. Подавив в себе желание расхохотаться, он смотрел на девушку с изумлением, смешанным с восхищением. Она стояла перед ним, задрав нос кверху, огромные серые глаза метали молнии. Ее поистине воинственный вид никак не вязался с ниспадавшим мягкими складками бледно-лиловым пеньюаром, открывавшим ее соблазнительные плечи. Опасаясь, как бы пеньюар не распахнулся, Шеридан придерживала его, приподняв так, что были видны пальцы ног. Золотисто-каштановые волосы, еще влажные на концах, рассыпались по груди и спине, как у красавиц на картинах Боттичелли.

Бледно-лиловый цвет резко контрастировал с цветом ее волос, но это скорее потрясло, чем раздражало, благодаря безукоризненной кремовой коже.

Стивен и в самом деле был потрясен и поэтому не сразу понял, что она не нарочно надела пеньюар Элен, не из желания порисоваться или позлить его, а просто потому, что ей нечего было надеть. Он напрочь забыл, что ее багаж уплыл с кораблем. Но если тот ужасный коричневый плащ, в котором она была на пристани, свидетельствовал об ее вкусе, он предпочитал видеть ее в пеньюаре Элен. Однако слугам, разумеется, не понять его либеральных взглядов, и

он решил на следующий же день, с самого утра, распорядиться насчет ее гардероба. А сейчас ему оставалось лишь благодарить судьбу за то, что пеньюар хоть как-то прикрыл ее наготу.

Ценой невероятных усилий Шеридан удавалось сохранять ледяное выражение лица, пока он молча ее осматривал, и в то же время без единого жеста и слова выразить бурю самых разных эмоций. И Стивен, глядя на нее, с трудом скрывал свое восхищение.

Детская непосредственность сочеталась в Шеридан с почти женской зрелостью, однако ни благоразумием, ни осторожностью девушка не отличалась, все ее поступки были импульсивны. Стивен вдруг вспомнил, как рассыпались по его груди ее блестящие волосы, но тут же выбросил это воспоминание из головы.

– Ну как, кончили обозревать меня?

– Я просто восхищался вами.

Шеридан шла сюда, готовая ответить вызовом на вызов, жаждавшая этого, но уже дважды потерпела неудачу. Первый раз, когда он остановил на ней дерзкий и в то же время восхищенный взгляд своих голубых глаз, и второй – когда с улыбкой сделал ей комплимент. Напомнив себе, что он всего лишь бездушное властное животное и что она не собирается выходить за него замуж, независимо от его восхищенных взглядов и нежных слов, она не без иронии обратилась к нему:

– Полагаю, вы не для того вызвали меня, чтобы я лицезрела вашу светлость?

К ее удивлению, он никак не отреагировал на эту колкость и с довольно веселым видом, слегка поклонившись, ответил:

– Для этого, признаться, у меня было несколько причин.

– И что же это за причины? – с каменным выражением лица поинтересовалась Шеридан.

– Прежде всего я хочу извиниться.

– Неужели? – пожала она плечами. – За что?

Тут уж Стивен не смог удержаться и расплылся в улыбке. Да, ничего не скажешь. Девушка с характером. Сколько силы воли! Сколько гордости! Ни один мужчина не посмел бы с ним разговаривать в таком тоне, не говоря уже о женщинах, то и дело расставляя ему ловушки.

– За резкость в нашем последнем разговоре и еще за то, что не навещал вас с тех пор, – ответил граф.

– Я принимаю ваши извинения. Теперь, надеюсь, я могу удалиться к себе?

– Нет, – сказал он, неожиданно раздосадованный ее смелостью. – Я должен... точнее, я хочу... объяснить свои поступки.

– Что же, попытайтесь, это даже любопытно. – Она пренебрежительно посмотрела на него.

«Смелость в мужчине – превосходное качество, смелость в женщине хуже, чем боль в заднице», – подумал Стивен.

– Я и пытаюсь. – Он сделал ударение на слове «пытаюсь», и Шеридан с удовлетворением отметила про себя, что граф теряет самообладание.

– Ну-ну, продолжайте. Я слушаю.

– Может быть, присядете?

– Может быть. Это зависит от того, что вы скажете.

Стивен нахмурился и прищурил глаза, но голос, когда он заговорил, оставался спокойным.

– В тот вечер вы, наверное, видели, что я... что между нами не было того... чего, возможно, вы ждали от жениха.

Шеридан не имела ничего против этого заявления и ответила поистине царским, едва заметным кивком головы, означавшим всего лишь легкий интерес к его объяснениям.

– На это есть своя причина, – сказал Стивен, смущенный тоном ее разговора, и стал излагать единственное логичное и приемлемое объяснение, которое ему удалось придумать.

– Когда я навещал вас в последний раз, мы поспорили. Но пока вы были больны, я об этом не думал, а теперь меня это снова стало тревожить, вот почему я, наверное...

– Холодны и безразличны? – подсказала она, но уже не с гневом, а скорее с обидой и беспокойством.

– Именно так, – согласился он.

Наконец она села, и Стивен испытал облегчение, решив, что больше не придется препираться и врать, однако ошибся.

– О чем же мы спорили?

Ему следовало бы знать, что дерзкая рыжая американка, совершенно непредсказуемая в своих поступках и не питающая никакого уважения ни к титулам, ни к нормам приличия, способная появиться на людях в пеньюаре, будет и дальше конфликтовать с ним, вместо того чтобы принять его извинения и завершить дело миром.

– Речь шла о вашем настроении.

– О моем настроении? И что же в нем было такого? – Она удивленно уставилась на него своими серыми глазами.

– Я нашел, что оно... является предметом для спора.

– Ах вот оно что.

Стивену, казалось, будто он слышит, как она возмущается тем, какой он мелочный и злопамятный, если до сих пор помнит их спор. Хотя она была тогда так больна.

Она стала внимательно изучать свои сложенные на коленях руки, чтобы не смотреть на него, и спросила нерешительно, разочарованным тоном:

– Вы считаете меня вздорной?

Она сидела понурившись, втянув голову в плечи, и, глядя на нее, Стивен снова почувствовал прилив нежности, которую эта женщина в нем вызывала, что было совсем ему не свойственно.

– Нет, конечно, – невольно усмехнувшись, ответил Стивен.

– Я и сама заметила, – уже без прежней резкости произнесла она, – что в последние дни настроение у меня часто менялось.

Уайткомб сказал, что находит ее просто восхитительной, но, по мнению Стивена, он явно недооценивал девушку.

– В сложившихся обстоятельствах это можно понять.

Шеридан подняла голову и внимательно посмотрела на Стивена, будто тоже попыталась по-новому оценить его.

– Не могли бы вы поточнее объяснить, из-за чего между нами разгорелся спор?

Снова очутившись в ловушке, Стивен потянулся к хрустальному графину с шерри, стоявшему на подносе с напитками, лихорадочно соображая, что ответить, как утешить и успокоить ее. И тут его осенило.

– Мне показалось, что вы уделяете слишком много внимания другому мужчине. И я вас приревновал. – Следует сказать, что ни разу в жизни граф не испытал этого чувства. Но женщинам нравится, когда их ревнуют. И Шеридан не была исключением. Стивен понял это, когда искоса посмотрел на нее. Она явно повеселела, и Стивен с облегчением констатировал, что хоть в чем-то Чариз Ланкастер похожа на других женщин. Пряча улыбку, он налил Чариз шерри и, когда повернулся, чтобы протянуть ей маленькую хрустальную рюмочку, увидел, что девушка сидит опустив голову.

– Шерри?

Она вскинула голову, охваченная безотчетным восторгом:

– Простите?

Он протянул рюмку, но она даже не взглянула на нее и выжидающе смотрела на него.

– Хотите вина?

– Нет, благодарю вас.

Он поставил рюмку на столик.

– А мне показалось, вы сказали «да».

Она покачала головой.

– Я думала, вы назвали меня... Шерри!.. – воскликнула она, вскочив на ноги и сияя. – Я думала, вы назвали... я хочу сказать, что это я. Видимо, так меня называли, так...

– Понимаю, – мягко произнес Стивен, испытывая чувство облегчения, такое же сильное, как и она. Они стояли на расстоянии вытянутой руки, улыбаясь друг другу, радуясь триумфу, который, казалось, сблизил их и направил их мысли в единое русло. Внезапно Стивен понял, почему Берлтон, по словам Ходжкина, с ума сходил по ней. А Шерри, глядевшая в его смеющиеся голубые глаза, стало ясно, что она просто не могла устоять перед его обаянием и согласилась на помолвку. Где-то, в самой глубине сознания, возникли фразы, из которых можно было догадаться, что произойдет дальше:

«Барон схватил ее руку и прижал к губам, клянясь в вечной любви.

– Ты – моя единственная любовь...»

«Принц заключил ее в объятия и прижал к сердцу.

– Будь у меня сотни царств, я бросил бы их все к твоим ногам, моя ненаглядная. До тебя я был никем...»

«Граф был так потрясен ее красотой, что, потеряв самообладание, поцеловал ее в щеку.

– Простите меня, но я ничего не могу с собой поделать! Я обожаю вас!»

Стивен увидел призывную нежность в ее глазах и в этот блаженный миг полного слияния их душ счел несправедливым остаться равнодушным. Он взял ее за подбородок и коснулся губами ее губ.

Она закрыла глаза, прерывисто задышала и вся напряглась. Изумленный такой бурной реакцией, Стивен слегка отстранился и ждал, когда она откроет глаза. Наконец ее длинные ресницы затрепетали, и он заметил, какой у нее разочарованный вид. Казалось, она ждала чего-то большего.

– Что-то не так? – осторожно поинтересовался Стивен.

– Нет, вовсе нет, – вежливо ответила девушка, но чувствовалось, что она чего-то недоговаривает.

Стивен молча смотрел на нее, как обычно, когда хотел побудить собеседника к продолжению разговора, уверенный в том, что его тактика сработает и сейчас. И он не ошибся.

Чариз пояснила:

– Просто я ожидала чего-то другого.

– Чего именно? – спросил Стивен, стараясь уверить себя, что лишь пытается дать толчок ее памяти.

Нахмурившись и не сводя с него глаз, она растерянно покачала головой:

– Сама не знаю.

Ее неуверенность и пристальный взгляд лишний раз убедили его в том, что ее настоящий жених вел себя с ней свободнее. И, глядя в эти манящие серебристые глаза, Стивен решил, что просто обязан оживить в ее памяти образ Берлтона. Стараясь заглушить голос совести, он не желал признаться себе, что его благие намерения не имеют ничего общего с альтруизмом, скорее – с эгоизмом. Обещал же он Уайткомбу сделать все, что в его силах, для спокойствия Чариз!

– Может быть, вы ожидали... – ласково сказал он, обнимая ее за талию и коснувшись губами ее уха, – чего-то такого.

От его теплого дыхания Шерри вся задрожала, и когда повернула голову, ее губы коснулись его губ. Стивен хотел поцеловать ее так, как это в его представлении сделал бы Берлтон, но когда ее губы раскрылись и она прерывисто задышала, он окончательно потерял голову,

еще крепче сжал ее талию и буквально впился в ее губы. И тут она прильнула к нему и, когда ощутила его язык, едва не задохнулась и еще крепче прижалась к нему, словно хотела, чтобы их тела слились воедино. Шерри и не думала, что способна на такую страсть. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди.

Шерри буквально повисла на нем, и ему стоило большого труда оторваться от ее губ. Он смотрел на раскрасневшуюся девушку, изумленную его бурной реакцией, на ее поистине целомудренные поцелуи, потому что она понятия не имела о том, как целуются опытные женщины. Он смотрел в ее затуманенные страстью глаза, несколько обескураженный тем, что потерял голову из-за неискушенной наивной девчонки, и потешался над собой в душе.

В свои тридцать три года он предпочитал страстных, искушенных женщин, которые умели наслаждаться и дарить наслаждение. Можно было лишь посмеяться над тем, что эта девочка, почти ребенок, вырядившаяся в пеньюар любовницы, так возбудила его. В то же время она проявила себя способной и старательной ученицей и, забыв о девичьей стыдливости, все еще оставаясь в его объятиях, смело смотрела ему в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.